

ЛЕВ
ШЕЙНИН

**ВОЕННАЯ ТАЙНА
В ДНИ ВОЙНЫ**

**ТАЙНЫЙ
ФРОНТ**

Тайный фронт

Лев Шейнин

Военная тайна. В дни войны

«Алисторус»

1943, 1959

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

Шейнин Л. Р.

Военная тайна. В дни войны / Л. Р. Шейнин — «Алисторус»,
1943, 1959 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00180-851-0

Во время Великой Отечественной войны агент фашистской разведки получает задание захватить и доставить в Германию инженера Леонтьева, разработавшего сверхмощное секретное оружие, но следователь Ларцев раскрывает хитро сплетённые немецкой разведкой нити, и нарушает планы операции «Сириус». В 1944 году по первой части романа был снят фильм «Поединок». Прототип главного героя романа инженера Леонтьева – советский конструктор установок для ракетного оружия, в т. ч. и знаменитой «Катюши», Иван Гвай.

УДК 327 (1-87)

ББК 66.4(4/8)

ISBN 978-5-00180-851-0

© Шейнин Л. Р., 1943, 1959

© Алисторус, 1943, 1959

Содержание

Часть первая. Военный атташе	6
Глава 1. Военный атташе	6
Глава 2. «Вариант Барбаросса»	19
Глава 3. Смерть и рождение	30
Глава 4. «Операция Сириус» продолжается	34
Глава 5. «Дама трэф»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лев Шейнин

Военная тайна. В дни войны

© Шейнин Л. Р., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

* * *

Часть первая. Военный атташе

Глава 1. Военный атташе

Полковник фон Вейцель, германский военный атташе в Москве, проснулся в это майское утро 1941 года гораздо раньше, чем обычно. Это было тем более досадно, что накануне фон Вейцель заснул очень поздно, так как около двенадцати часов ночи поступили шифровки из Берлина, на которые требовался немедленный ответ. Шифровок было две, а они в свою очередь не способствовали покойному настроению, которое господин фон Вейцель ценил выше всего на свете. Да, в свои сорок пять лет господин атташе пришел к твердому выводу, что мирный, спокойный сон едва ли не высшее наслаждение в жизни. Когда-то его увлекали спорт, женщины, наконец, служебная карьера... С годами полковник фон Вейцель обрел способность относиться ко всем этим вещам философски. Все эти радости, волнения и азарт, в сущности, только дым, который ровно ничего не стоит. Важно жить по возможности спокойно, пользоваться радостями, еще доступными после сорока лет, размеренно и умно, оберегать нервно-сосудистую систему и, главное, сознавать, что весь мир – это только ты сам, твой обед, твои прогулки, твой сон, твоя любовница, твои привычки, твои вкусы. Но, оказывается, мир устроен столь глупо, что для всего этого еще приходится работать, да еще работать в области разведки, со всеми отсюда вытекающими осложнениями, опасностями и неприятностями.

Кстати о неприятностях. В последнее время они сыпались одна за другой, как будто кто-то специально и очень старательно занимался тем, чтобы испортить жизнь господину Гансу фон Вейцелю, что, конечно, было большим свинством со стороны этого «кого-то»...

Хмуро потягиваясь на своей низкой, широкой постели и недовольно щурясь от солнечных зайчиков, пробивающихся через шелковые маркизы, фон Вейцель стал размышлять о неприятностях. По давно установившейся привычке он разделял их на две категории: неприятности непредвиденные и потому особенно серьезные и неприятности, так сказать, неизбежные, предполагавшиеся заранее, и потому не столь уж ошеломляющие.

К неприятностям первой категории, бесспорно, относилось дурацкое происшествие с этим ослом Крашке, свалившееся как снег на голову.

Крашке был одним из помощников фон Вейцеля по агентурной работе. Он был старым сотрудником разведки и, казалось, имел достаточный опыт. Во всяком случае, в России он работал еще до первой мировой войны и считался находчивым и смелым агентом.

Помощником фон Вейцеля Крашке был назначен год тому назад, и в Москву он приехал «под крышей» звания пресс-атташе посольства, то есть с дипломатическим паспортом. Положение пресс-атташе давало ему возможность общаться с корпусом иностранных журналистов, посещать редакции, библиотеки, а также быть завсегдаем ресторанов, бегов, театров и концертов. По крайней мере для всякой другой страны такая «крыша», как звание пресс-атташе, сулила возможности неисчерпаемые.

Приехав в Москву, где он не был много лет, господин Крашке приуныл: привычные методы работы здесь оказались явно неприменимы. Советские люди неохотно шли на знакомство с гитлеровским дипломатом, упорно отказывались от встреч; карточных и других притонов в Москве не было, как не было и кафешантанов и модных кабаре, а «звезды» оперетты и кино вовсе не походили на «звезд»: не гонялись за бриллиантами, не старались заводить себе богатых содержателей и вилл и, судя по всему, являлись примерными членами профсоюза. Работать было явно не с кем...

И, как на грех, именно в это время был получен приказ Берлина всячески форсировать «операцию Сириус», как условно именовалось задание германской разведки, связанное с работами крупного советского конструктора инженера Леонтьева.

Интерес к личности и работам Леонтьева возник в Берлине давно, еще в тридцатых годах, когда из источников, которых Крашке не знал, германской военной разведке – «Абверу» стало известно, что Леонтьев, тогда еще совсем молодой конструктор, работает в области нового вида вооружений в одном из научно-исследовательских институтов Москвы.

Германской разведке тогда удалось завербовать сотрудника института, который, по мере своих возможностей, начал освещать работу Леонтьева. Из донесений этого агента выяснилось, что Леонтьев человек скромный, горячо увлеченный своей работой, что он мало разговорчив и осторожен в выборе знакомств. О подкупе Леонтьева не могло быть и речи – все данные сводились к тому, что он честный, неподкупный человек. Следовательно, работа «впрямую» здесь была исключена. Надо было идти обходными и «рикошетными» путями. Но тут возникли новые трудности – советские органы безопасности внезапно арестовали агента, работавшего в институте, каким-то образом узнав о его встречах с предшественником Крашке. Это был серьезный провал. Именно в связи с этим господин Крашке и выехал из Берлина в Москву для дальнейшей подготовки «операции Сириус».

Окрыленный дипломатическим паспортом и званием атташе, которым в глубине души он был очень польщен, господин Крашке даже завел себе монокль и смокинг.

Перед отъездом Крашке в Москву в Берлин был вызван полковник фон Вейцель. Генерал-лейтенант Пиккенброк, начальник I отдела германской военной разведки, представил господину Вейцелю его нового помощника. Вейцель с интересом посмотрел на господина Крашке. Перед ним сидел уже немолодой человек, немногословный, с тусклыми, чуть выцветшими глазами, узким лбом и большим хрящеватым носом.

– Господин полковник, – произнес Пиккенброк после того, как Вейцель и Крашке обменялись рукопожатием, – я рад вам сообщить, что наш старый Крашке знает Россию отлично. Это кадровый немецкий разведчик, и, если бы не «операция Сириус», мы ни в коем случае не отдали бы его вам...

– Я весьма признателен за помощь, господин генерал, – ответил Вейцель, – тем более что подготовка этой операции очень усложнилась в связи с известными вам обстоятельствами...

– На вашем месте, полковник, – перебил Вейцеля Пиккенброк, – я не стал бы напоминать об этом позорном провале, который вам угодно называть обстоятельствами... Этот идиот Шмельцер (речь шла о предшественнике Крашке) засыпался, как мальчишка, и провалил великолепного агента. Не говоря уже о том, что он расшифровал и себя, вследствие чего мы были вынуждены немедленно отозвать его из Москвы...

– Я позволю себе напомнить, господин генерал, – довольно неуверенно начал защищаться Вейцель, – я позволю себе напомнить, что упомянутый Шмельцер был ко мне прикомандирован по личной рекомендации рейхсфюрера ОС и что я не имел к этому вопросу решительно никакого отношения...

– Чепуха, полковник! Вы отвечаете за Шмельцера с того момента, как он стал вашим сотрудником. И я считаю, что ваша ссылка на рейхсфюрера СС по меньшей мере бестактна...

И генерал Пиккенброк, о котором давно поговаривали, что он представляет в военной разведке ведомство рейхсфюрера СС Гиммлера, изобразил на своем длинном, худом лице чувство глубокого возмущения.

Полковнику Вейцелю стало не по себе. Дернул же его дьявол брякнуть насчет Гиммлера, которому этот тощий Пиккенброк при случае может все передать! Самое обидное, что Вейцель сказал сущую правду – Шмельцера действительно рекомендовал Гиммлер, но об этом, конечно, лучше было не вспоминать, особенно учитывая повадки и характер господина рейхсфюрера СС...

По-видимому, Крашке тоже это понимал, потому что на его лице мелькнуло некое подобие улыбки, которую он, впрочем, тут же подавил, сообразив, что с полковником Вейцелем ему как-никак предстоит работать.

Как раз в этот момент вошел адъютант Пиккенброка, доложивший, что адмирал Канарис – начальник германской военной разведки и контрразведки – приглашает к себе Пиккенброка, Вейцеля и Крашке.

Все поспешно поднялись и по длинным, ярко освещенным коридорам направились в кабинет Канариса.

Адмирал принял их стоя. Хорошо упитанный, румяный, он был, как всегда, гладко выбрит, сильно надушен. Ответив на обычное приветствие «Хайль Гитлер!», адмирал внимательно осмотрел пришедших с головы до ног, а затем, насвистывая какой-то опереточный мотив, стал шагать из угла в угол своего обширного, хотя и немного мрачного кабинета. Установилась долгая, неловкая пауза, и со стороны можно было подумать, что Пиккенброк, Вейцель и Крашке изо всех сил стараются запомнить насвистываемый господином адмиралом мотив – столь сосредоточенны и серьезны были их лица. Разумеется, все продолжали стоять.

Наконец Канарис подошел к своим подчиненным и коротко бросил:

– Вчера фюрер спросил меня об «операции Сириус».

И, метнув выразительный взгляд, опять начал измерять кабинет своими длинными крепкими ногами. Пиккенброк и Вейцель переглянулись и стали еще более сосредоточенно слушать мотив, который вновь начал насвистывать Канарис. Именно в этот момент в кабинет влетел без обычного стука в дверь адъютант Канариса и, бледный от волнения, едва сумел пролепетать:

– Господин рейхсфюрер СС!..

– Что?! – вскричал Канарис, не веря собственным ушам. – Что?!

– Господин рейхсфюрер... – снова пролепетал адъютант и тут же замолк.

В кабинет неторопливо входил Гиммлер. Пиккенброк, Вейцель и Крашке судорожно вытянулись по команде «Смирно!» Канарис бросился навстречу Гиммлеру, впервые удостоившему своим посещением этот кабинет. Адъютант Канариса сразу вышел из комнаты.

– Здравствуйте, адмирал Канарис, – произнес Гиммлер, даже не взглянув в сторону Пиккенброка, Вейцеля и Крашке, – я захотел информировать вас об одном соглашении.

– Як вашим услугам, господин рейхсфюрер СС, – ответил Канарис, старательно подвигая к Гиммлеру глубокое кожаное кресло. – Позвольте представить вам моих сотрудников: генерал-лейтенанта Пиккенброка, полковника фон Вейцеля – нашего военного атташе в Москве – и господина Крашке...

Гиммлер неторопливо уселся в кресло и, взглянув на застывших подчиненных Канариса, улыбнулся и сказал:

– Очень хорошо. Генерал Пиккенброк мой старый знакомый, о полковнике Вейцеле я слышал как о способном человеке, а господин Крашке, говорят, тоже настоящий немец и опытный разведчик. Они все, если не ошибаюсь, работают по русскому профилю?

– Так точно, господин рейхсфюрер СС, – отчеканил Канарис, ломая голову над вопросом, чем вызван этот необычайный визит.

– В таком случае, – продолжал Гиммлер, – эти господа могут принять участие в нашем разговоре...

И, вытащив из кармана своего черного кителя аккуратно сложенный лист, Гиммлер привычно поправил пенсне, с которым никогда не расставался, и подчеркнуто деловым тоном начал:

– Вчера, по личному приказанию фюрера, господа, я и рейхсминистр фон Риббентроп подписали соглашение, имеющее отношение и к вашему ведомству, дорогой адмирал. (Канарис при этих словах почтительно склонил голову.) Я не стану зачитывать этот документ целиком, суть его очевидна из следующего абзаца...

И, быстро отыскав нужное место, Гиммлер прочел:

– «Министерство иностранных дел оказывает секретной разведывательной службе всякую возможную помощь. Имперский министр иностранных дел будет, поскольку это терпимо во внешнеполитическом отношении, включать определенных сотрудников разведывательной службы в состав заграничных представительств...»[1 – Подлинный документ, который был представлен и оглашен на Нюрнбергском процессе.]

Тут Гиммлер сделал паузу и выжидательно взглянул на Канариса.

– Еще, одна иллюстрация мудрости фюрера, – с чувством произнес Канарис, – он всегда понимал значение нашей службы...

– Слушайте дальше, – перебил его Гиммлер и снова начал читать: – «Ответственный сотрудник разведывательной службы регулярно информирует главу миссии обо всех существенных вопросах деятельности секретной разведывательной службы в данной стране».

Лицо Канариса невольно вытянулось: господин адмирал не привык информировать послов «обо всех существенных вопросах» своей деятельности. Полковник фон Вейцель тоже не выдержал и даже позволил себе громко вздохнуть. Господин Крашке, напротив, сразу повеселел. Он понял, что поедет в Москву под прикрытием дипломатического паспорта, что при всех условиях исключает какой бы то ни было риск ввиду дипломатической неприкосновенности...

Гиммлер всех по очереди осмотрел и язвительно усмехнулся.

– Господа, – медленно протянул он, – вероятно, избавят меня от необходимости разъяснять, что последний тезис об обязанности информировать дипломатов не следует понимать примитивно... Конечно, их придется информировать, но... я бы сказал, в пределах компетенции их чисто дипломатических задач... Вряд ли нужно при этом входить в чрезмерные подробности, господа, поскольку сугубая конспирация – основной закон нашей профессии...

– Так точно, господин рейхсфюрер СС! – радостно воскликнул Канарис, сообразив, что «соглашение» вовсе не поставило его службу под контроль дипломатов, которых он терпеть не мог. – Я весьма признателен вам за разъяснение...

– Это особенно важно для работы в Москве, – осторожно начал Пиккенброк, – если учесть настроения нашего посла господина Шуленбурга...

– Какие настроения вы имеете в виду, генерал? – быстро спросил Гиммлер.

– Об этом с большим знанием вопроса доложит полковник фон Вейцель, – сразу ответил Пиккенброк, решив на всякий случай остаться в стороне.

«Проклятая лиса, – подумал Вейцель о Пиккенброке, – свалил все на меня!»

– Что же вы можете доложить, полковник Вейцель? – спросил Гиммлер, не отводя взгляда от Вейцеля, соображавшего, как ему ответить, чтобы угодить рейхсфюреру СС.

– Господин фон Шуленбург, – начал Вейцель, – разумеется, опытный дипломат, вполне преданный отечеству, но, господин рейхсфюрер СС, мой долг солдата прямо заявить о том, что господину фон Шуленбургу, при всем моем к нему глубоком уважении и понимании его заслуг...

– Скажите, полковник, – перебил его Гиммлер, – вы произносите юбилейный тост или докладываете суть дела своему начальнику и рейхсфюреру СС?

У Вейцеля отлегло от сердца. Он понял, что хотелось бы услышать Гиммлеру.

– Я хочу быть объективным, господин рейхсфюрер СС, – уже уверенно сказал он, – но считаю своим долгом прямо заявить, что наш посол неверно информирует фюрера о положении в Москве.

– Так, так, – с нескрываемым интересом промолвил Гиммлер. – Продолжайте, полковник, это очень, очень любопытно.

– Господин посол является сторонником мирных отношений с Советским Союзом, – продолжал Вейцель, – и это ослепляет его. Господин посол уверяет фюрера, что Москва не намерена нападать на Германию, что она не готовится к войне, а я убежден в обратном.

– И вы правы, полковник, – бросил Гиммлер, – я тоже убежден в этом.

– Скажу больше, господин рейхсфюрер СС, – еще увереннее начал Вейцель, окрыленный столь лестным замечанием Гиммлера, – я в глубине души теряю политическое доверие к господину фон Шуллеренбургу...

– Неужели? – протянул Гиммлер таким тоном, что становилось ясным, как приемлема ему и такая крайняя позиция.

– К сожалению, – со скорбной миной произнес фон Вейцель, – я не считаю себя вправе это скрыть. Мои расхождения с господином послом особенно значительны в оценке оборонной мощи Советского Союза. Господин фон Шуллеренбург, увы, весьма слаб в военных вопросах, и его утверждения, что Советская Армия – это реальная, хорошо слаженная, отлично подготовленная сила, глубоко ошибочны и вредны.

– Вредны? – в том же тоне спросил Гиммлер, совсем уже благосклонно глядя на Вейцеля.

– Да, вредны! – твердым тоном солдата, уверенного в своей правоте, ответил Вейцель. – Вредны потому, что они объективно являются дезинформацией, а дезинформация в таких вопросах равносильна предательству Германии! – с наигранной горячностью закончил Вейцель.

Уже поздно вечером, отдыхая в своей вилле в Нейдорфе, в пригороде Берлина, полковник фон Вейцель вспоминал во всех деталях этот разговор и пришел к окончательному выводу, что он вполне попал в тон. Это следовало не только из того, что Гиммлер охотно его слушал и благосклонно улыбался, но также из нескольких фраз, брошенных им в конце беседы, смысл которых сводился к тому, что фюрер считает войну с Советским Союзом предрешенной, что он не верит в мощь Советской Армии, считая ее «колоссом на глиняных ногах».

Вейцелю было хорошо известно, что фюрер, придя к определенному выводу, не терпит ничего, что говорит против этого вывода, и всякое иное мнение приводит его в бешенство. Откровенно говоря, полковник фон Вейцель в глубине души разделял многие мысли господина фон Шуллеренбурга, хотя и очень его не любил. Вейцеля раздражал этот старый немецкий дипломат: его манера разговаривать в тоне превосходства, его аристократическое происхождение (Вейцель хотя и именовался фон Вейцелем, строго говоря, не имел на это права), даже его монокль, которым он, впрочем, очень ловко пользовался. Вот почему Вейцелю было приятно устроить пакость этому надутому аристократу, хотя тот и был во многом прав. Полковнику Вейцелю, как военному атташе, довелось присутствовать на маневрах Киевского военного округа. Как-никак Вейцель имел высшее военное образование и разбирался в военном деле. То, что он, как и другие военные атташе, также приглашенные на маневры, там повидал, увы, отнюдь не подкрепляло формулы «колосса на глиняных ногах». Вейцель видел отличные, вполне современные танки, сильную авиацию и грозную артиллерию. Офицерский состав – это сразу бросалось в глаза – был хорошо подготовлен, а воинские, довольно крупные соединения, участвовавшие в маневрах, обнаружили поразительную выносливость.

Последнее, впрочем, не слишком удивило полковника Вейцеля, как и других военных атташе, потому что выносливость русского солдата была давно общепризнана и широко известна. Вейцелю запомнился один разговор на эту тему, происходивший в палатке, в которой отдыхали Вейцель и американский военный атташе полковник Армстронг.

– Понимаете, дорогой коллега, – говорил Армстронг, высокий, рыжеватый, белозубый человек с безупречным пробором и грубоватыми манерами, – выносливость русского солдата – это то, что осталось большевикам от царизма. Пока это еще у них в крови. Эти скифы действительно способны вынести то, от чего солдаты цивилизованных стран пришли бы в ужас. В данном случае уровень их материальной культуры идет им на пользу. Когда я спросил одного

их майора, возит ли он с собой походную резиновую ванну, он посмотрел на меня с таким удивлением, что я почти смутился... Парень, представьте себе, не имеет об этом понятия...

И рыжий Армстронг громко захохотал, оскалив свои зубы.

Да, походных ванн у советских офицеров не было. Но Вейцель не считал, что это снижает боевые качества русских. И когда в заключение маневров сотни советских самолетов выбросили десант в несколько тысяч человек и ни один из парашютистов не задержался после приземления более минуты, полковнику фон Вейцелю стало не по себе.

Но что делать, если мир так дурачки устроен, что нередко выгоднее делать вид, что не замечаешь того, что на самом деле хорошо заметно, и не понимаешь того, что в действительности отлично понято. Вейцель был не так наивен, чтобы послать в Берлин правдивый доклад о маневрах. Он потел целую ночь, выдумывая основания для главного вывода: маневры показали отсталость техники, низкий уровень военной подготовки офицерского состава, плохое тактическое взаимодействие частей...

Вейцель знал, что только такой доклад будет одобрен и представлен фюреру и, главное, фюреру будет приятен...

И действительно, через некоторое время после отсылки доклада о маневрах полковник фон Вейцель получил письмо Пиккенброка, в котором, между прочим, указывалось:

«... Фюрер и рейхсминистр Геринг, ознакомившись с представленным вами докладом, отметили глубину сделанного вами анализа состояния войск нашего возможного противника и вполне разделяют выводы, к которым вы пришли...»

Господин фон Вейцель пять раз перечитывал эти строки и таял от удовольствия. Мог ли он подумать, что тот же фюрер, который «вполне разделял» выводы господина Вейцеля, после разгрома немецких войск под Москвой, в декабре 1941 года, прикажет «расстрелять бывшего полковника и бывшего военного атташе в Москве Ганса Вейцеля за злостную дезинформацию» о состоянии советских вооруженных сил?

Разумеется, господину атташе ничего подобного и в голову не приходило. В тот вечер, когда прибыло письмо Пиккенброка, Вейцель обрадовался до такой степени, что, несмотря на свою скупость, известную всему составу германской миссии, отправился в «Метрополь» и даже пригласил стенографистку посольства фрейлен Грету, высокую, полногрудую блондинку, не отличавшуюся при упомянутых достоинствах чрезмерно строгим нравом. В «Метрополе» господин фон Вейцель разошелся до такой степени, что за ужином заказал шампанское и даже преподнес фрейлен Грете цветы и коробку шоколада «Красный Октябрь». Правда, наименование коробки не очень импонировало господину атташе, но шоколад был отменный...

Все это полковник Вейцель вспоминал в то свежее майское утро, с которого начинается это повествование. Вспомнил он и возвращение в Москву вместе с господином Крашке. В Москве Крашке сразу взялся за работу и сначала производил самое выгодное впечатление. Ему даже удалось найти ход в тот самый научно-исследовательский институт, в котором работал этот проклятый конструктор Леонтьев, из-за которого господин фон Вейцель имел столько неприятностей и хлопот.

Дело в том, что еще Шмельцер, работавший до Крашке над «операцией Сириус», добыл через своего агента списки сотрудников института и переслал их в Берлин. Крашке на всякий случай стал проверять, нет ли у кого-либо из них родственников среди белоэмигрантов, проживающих в Берлине. И в самом деле среди сотрудников института оказался некий Голубцов, работавший в качестве ночного сторожа – вахтера. Звали его Сергей Петрович.

А между тем в числе белоэмигрантов, проживавших в Берлине, значился некий Голубцов, бывший царский генерал, отличавшийся весьма респектабельной внешностью, благодаря которой он и работал теперь в качестве швейцара в берлинском отеле «Адлон». Крашке решил на всякий случай проверить, не состоит ли бывший генерал Голубцов в родственных связях с ночным сторожем Сергеем Голубцовым. Это предположение подтвердилось: Голубцов,

вызванный к Крашке, заявил, что у него действительно имеется в России племянник Серж Голубцов, сын его брата Петра Голубцова, скончавшегося в 1917 году, что этот Серж Голубцов служил в контрразведке денкинской армии, а затем; не успев эмигрировать, остался в России и, кажется, в дальнейшем устроился в Москве. Однако связи с ним генерал Голубцов не имел.

Само собою разумеется, выезжая в Москву, Крашке захватил с собою письмо от бывшего генерала к его племяннику, а также сохранившуюся фотографию времен гражданской войны.

* * *

Сергей Голубцов жил на окраине Москвы, в Измайловском зверинце. Господин Крашке вычитал в старом справочнике, что один из первых русских царей – «тишайший» Алексей Михайлович ездил в эти места охотиться, в связи с чем эта местность и получила такое наименование. Теперь туда можно было добраться на машине или трамваем. Крашке остановился на последнем, так как пришел к выводу, что чем демократичнее способ передвижения по Москве, тем он безопаснее для разведчика.

В целях предосторожности Крашке, выйдя из здания посольства в Леонтьевском переулке, сначала направился к Арбату и вышел на Бульварное кольцо. У памятника Тимирязеву Крашке отдохнул на скамейке и, убедившись, что за ним никто не следит, направился к Пушкинской площади, где внезапно, на ходу, прыгнул в вагон трамвая, с которого также внезапно соскочил в районе Чистых прудов. И уже отсюда сначала на автобусе, а затем в трамвае добрался до Измайловского зверинца.

Когда он вышел на асфальтированное шоссе, с одной стороны которого стояли небольшие деревянные домики с палисадниками и огородами, а с другой – шумел сосновый, далеко уходящий лес, то сразу почувствовал себя спокойно.

Шоссе было пустынно в этот сентябрьский вечер, с огородов доносились голоса игравших детей, высокие сосны мирно пламенели в лучах заходящего солнца.

Без особого труда господин Крашке обнаружил нужный ему дом. Он стоял за палисадником, деревянный и старый, с выцветшей от времени, когда-то зеленой окраской и заплатанной ржавой крышей, уже чуть покосившийся и заметно осевший в землю.

Крашке еще раз оглянулся – шоссе было по-прежнему пустынно – и уверенно толкнул скрипучую калитку. Во дворе, заросшем травой, никого не было, выходящая во двор дверь была открыта. Крашке поднялся по деревянным ступеням и оказался в маленькой темноватой кухне. Здесь тоже никого не было, но за неплотно закрытой дверью слышались перебор гитары и хрипловатый баритон, с большим чувством исполняющий романс: «Ты сидишь у камина и смотришь с тоской...»

Господин Крашке с удовольствием прислушался. Некогда, в дни молодости, судьба, а точнее немецкая разведка занесла его в один уездный городишко Могилевской губернии. По характеру задания ему надо было завести связи с местным начальством и офицерами дивизии, расквартированной в этом городке. Крашке познакомился с дочерью воинского начальника Зиной Бурцевой, открыл в городе аптеку, играл в преферанс с уездным исправником и земским начальником, лихо плясал на балах и, наконец, добился руки и сердца дочери воинского начальника.

Уже после свадьбы Зиночка призналась молодому супругу, что покорил он ее не модными усиками, которые он тогда отпустил, не талантом лихого вальсера, не изысканностью манер и процветающей аптекой, а тем, как проникновенно и «с давидовской слезой», по утверждению воинского начальника, исполнял он этот романс: «Ты сидишь у камина и смотришь с тоской, как печально огонь догорает...»

Через год, успешно выполнив задание, молодой аптекарь загадочно исчез из города, предусмотрительно захватив с собой десять тысяч Зиновкиного приданого и навсегда оставив аптеку, беременную жену и гитару, на которой он сам себе так вдохновенно аккомпанировал.

И вот теперь, стоя в этой темной, пахнувшей мышами кухне, господин Крашке услышал слова и мотив почти забытого романса. Это звучало как доброе предзнаменование, и господин Крашке, улыбаясь от легкого волнения и нахлынувших воспоминаний, смело толкнул дверь, за которой пел баритон.

В небольшой, обставленной старомодной мебелью комнате сидел на диване уже немолодой грузный человек с гитарой и уныло пел.

Увидев вошедшего Крашке, обладатель хриплого баритона сразу замолк, вопросительно уставившись в пришедшего нагловатым взглядом своих выпуклых глаз.

– Простите, – произнес Крашке, снимая шляпу, – могу ли видеть товарища Голубцова Сергея Петровича?

– А вы откуда и кто такой будете? – ответил вопросом на вопрос хозяин комнаты.

– Прежде чем ответить на этот законный вопрос, – улыбнулся Крашке, – я хотел бы убедиться, что говорю именно с тем, кто мне нужен.

– Я Сергей Петрович, – ответил мужчина. – А что вам нужно? Я вас не знаю.

– К сожалению, мы действительно не знакомы, – произнес Крашке, – но я имею к вам поручение от вашего почтенного дядюшки Валерия Павловича Голубцова...

– У меня нет никакого дядюшки! – чуть резче, чем следовало, ответил Голубцов, весьма порадовав этим Крашке.

– В соседних комнатах кто-нибудь есть? – неожиданно спросил Крашке. – Нас никто не слышит?

– А что вам, собственно, угодно?

– Мне угодно передать вам письмо от вашего дядюшки, его превосходительства генерала Голубцова, – спокойно повторил Крашке. – У меня есть ваша фотография, но, право, я бы вас не узнал. Впрочем, это и не удивительно, если принять во внимание, что вы, господин Голубцов, сняты на ней в тысяча девятьсот девятнадцатом году, в офицерской форме, когда вы, если не ошибаюсь, служили в контрразведке добровольческой армии. Мне передал эту фотографию ваш дядюшка, чтобы мы легче смогли найти общий язык...

И Крашке протянул Голубцову немного выцветшую фотографию, на которой он был изображен во весь рост, в офицерской форме. Голубцов выхватил фотокарточку и мгновенно разорвал ее на мелкие клочки. Крашке, улыбаясь, сел в кресло, не ожидая приглашения. Голубцов тяжело дышал.

– Напрасно вы разорвали карточку, глубокоуважаемый Сергей Петрович, – укоризненно произнес Крашке, покачивая головой. – Я предвидел такой вариант и имею несколько отличных фотокопий. Вот одна из них...

И он протянул оторопевшему Голубцову новую фотографию.

– Кто вы и что вам от меня нужно? – хрипло спросил Голубцов.

– Я друг генерала Голубцова и надеюсь стать и вашим другом, – ответил Крашке, закуривая сигарету. – Но сначала ознакомьтесь с письмом вашего дяди, который прислал вам его из Берлина.

И Крашке протянул Голубцову письмо. Голубцов два раза его прочел, потом достал спички и сжег письмо.

– Вот видите, Сергей Петрович, вы напрасно так взволновались, – вновь заговорил Крашке, – вы можете мне абсолютно доверять. Мы а вами люди одного возраста, одного воспитания, и легко пойдем друг друга...

– Кто вы? – снова спросил все еще бледный Голубцов.

– Друг вашего дяди, и он вам об этом пишет. Кстати, если вы забыли содержание письма, то у меня есть и его фотокопия.

– Что вам от меня нужно?

– Пока ничего. А в будущем какие-нибудь сущие пустяки. Но давайте познакомимся. Расскажите о вашем житье-бытье... Вы, конечно, сознательный член профсоюза? Пролетарий или советский служащий?

– Я работаю сторожем в одном институте. Ночным сторожем...

– Ночным сторожем? Гм, нельзя сказать, что вы сделали блестящую карьеру. Что же это за институт?

Разговор Крашке и Голубцова затянулся до поздней ночи. Выяснилось, что Сергей Петрович одинок, в прошлом году его жена скончалась от рака легких, что этот старый дом принадлежит ему, что он, конечно, скрыл свою службу в белой армии, что в институте он работает уже четвертый год и что за стеной, в соседних двух комнатах, проживают две богомольные старушки. Такие соседи не оставляли желать лучшего. С другой стороны, и сам Голубцов оказался довольно сговорчивым и покладистым человеком, быстро сообразившим, чего от него хотят.

Они расстались друзьями, и в первом часу ночи Голубцов проводил Крашке за скрипучую калитку своего дома.

На шоссе было так же пустынно. Темное сентябрьское небо низко нависло над Измайловским зверинцем, редкие уличные фонари покачивались от резких порывов ветра, тревожно шумел лес, стоявший черной стеною по ту сторону шоссе.

Простившись со своим новым знакомым, господин Крашке все с теми же мерами предосторожности, неожиданно меняя виды транспорта – трамвай, троллейбус, метро, добрался в посольство около двух часов. Несмотря на позднее время, он сразу зашел к полковнику Вейцелю, который его давно поджидал и уже начинал волноваться.

Выслушав подробный доклад Крашке о его визите к Голубцову, господин атташе пришел в восторг. За такое удивительное стечение обстоятельств, черт возьми, не мешало выпить! За бутылкой душистого мозельвейна фон Вейцель и Крашке разработали план дальнейших мероприятий. Голубцова надо было окончательно «освоить», хорошо проверить, а затем обучить фотографированию документов и чертежей. Его положение ночного сторожа открывало превосходные перспективы успешного завершения «операции Сириус», что в свою очередь очень реально сулило награды, орден железного креста и генеральские погоны, о которых господин полковник Вейцель, вопреки обретенному с годами философскому образу мышления, все же пылко мечтал.

* * *

Да, вначале все шло удивительно легко и успешно. Этот Голубцов с его романсами и гитарой оказался превосходным агентом, хотя и несколько назойливым в отношении гонорара. Не могло быть и речи о том, что он является или может стать «двойником», то есть, сотрудничая с Крашке, одновременно работать на советскую контрразведку. Голубцов не только поневоле выполнял задания Крашке, но делал это с удовольствием, глубоко ненавидя советскую власть и стремясь напасть на нее чем только можно. Выходец из семьи крупного помещика, он в молодости боролся с революцией в рядах добровольческой армии, потом долго заметал следы; женился на какой-то бывшей торговке, которой принадлежал дом в Измайловском зверинце, потом похоронил жену, сильно опустился и теперь прозябал в своей берлоге, как одинокий, отбившийся от стаи волк, все еще, однако, готовый к прыжку.

Там, на работе, он умело носил личину этакого добродушного, не слишком умного и чуть ворчливого служаки-старика, исправно посещал все профсоюзные собрания, охотно подписывался на заем, а в майские и в октябрьские праздники раньше всех приходил на demonstra-

цию, громче всех кричал «ура», первым запевал «Эх, Дуня, Дуня, Дуня-я, комсомолочка моя» и даже пускался в пляс с молодыми секретаршами.

В институте Голубцова считали немного чудаковатым, но в общем приятным стариком, все называли его запросто «Петровичем» и охотно выслушивали его рассказы о том, как в молодые годы он будто бы служил красноармейцем «у самого Чапая».

Престиж Голубцова и доверие к нему особенно возросли после того, как однажды утром он, действуя по заданию Крашке, явился к директору института и молча протянул ему пять тысяч рублей, будто бы найденные им на рассвете недалеко от главного подъезда института.

– Только я, товарищ директор, начал утром подметать асфальт у подъезда, гляжу, пакет этот лежит. Посмотрел я и испугался: шутка сказать, какие деньги – тысячи!.. Так, поверьте, еле дождался вашего приезда!.. Не иначе, как кто из наших потерял, а может, даже казенные денежки-то – и государству нашему убыток, и человек зазря может пропасть...

Директор поблагодарил Голубцова, пожал ему руку и рассказал о происшествии работникам института. Выяснилось, что никто из них ничего не терял, и деньги были сданы в отдел находок милиции, а о Голубцове появилась заметка в стенгазете под заголовком «Благородный поступок».

После этого доверие к Голубцову окончательно укрепилось...

Справедливость требует отметить, что в этом деле Голубцов слегка надул господина Крашке, который выдал ему для этой инсценировки семь с половиной, а не пять тысяч. Но Голубцов рассудил, что для нужного эффекта хватит и пяти.

Разумеется, Вейцель, как и Крашке, ничего об этом не знал и не мог нарадоваться своим новым агентом.

К его вящему удовольствию, Голубцов, занесенный в секретные списки агентуры под псевдонимом «король бубен», довольно быстро освоил технику фотографирования документов и чертежей, и «операция Сириус» близилась к своему завершению. В конце апреля «король бубен» сообщил, что ему удалось подслушать, что конструктор Леонтьев собирается выехать в служебную командировку. Было уже известно, что Леонтьев в таких случаях, как и каждый вечер перед уходом с работы, запирает секретные документы в стальной сейф, стоящий в его кабинете, а затем еще опечатывает этот сейф сургучной печатью. Сейф, судя по имеющейся на нем надписи, был изготовлен системой промкооперации, а именно артелью «Меткоопромсоюз». Крашке специально приобрел такой же сейф в магазине, где ему подмигнул на него «король бубен», явившийся, как было условлено, в этот магазин, и у себя в кабинете тщательно его исследовал. Качество продукции артели «Меткоопромсоюз» получило полное одобрение господина Крашке: сейф был сделан более чем примитивно, его внутренний затвор скорее походил на щеколду от простой калитки, чем на замок стального сейфа для секретных бумаг.

Однако дело осложнялось тем, что сейф Леонтьева, как выяснилось, стоял в секретной комнате его лаборатории, которая в свою очередь закрывалась на ночь особой стальной дверью со сложным замком.

Таким образом, для получения чертежей, хранившихся в сейфе Леонтьева, требовалось, во-первых, подобрать ключ к замку стальной двери, во-вторых, ключ к самому сейфу и, наконец, изготовить сургучную печать, которой опечатывался ежедневно этот сейф, для того, чтобы после фотографирования чертежей вновь опечатать сейф Леонтьева.

«Король бубен» был соответственно проинструктирован и снабжен пластилином особой марки. Ночью, когда он дежурил в институте, где уже никого из сотрудников не было, Голубцов запер изнутри двери вестибюля, погасил в нем свет и тихо поднялся на второй этаж. Он подошел к стальной двери, ведущей в секретную комнату, и осветил ее карманным фонарем, не включая из осторожности свет в комнате.

В длинных гулких коридорах института, едва освещенных светом луны, проникавшим через большое створчатое окно, царил таинственный голубоватый полумрак. Голубцов замер –

ему послышался какой-то подозрительный шум в расположенной поблизости туалетной комнате. С пересохшим от волнения горлом он застыл у двери, напряженно ловя звуки, доносившиеся из туалетной комнаты. Они» раздавались отчетливо и равномерно.

Собрав последние силы, Голубцов решил сделать вид, что производит ночной обход, и, нарочито тяжело ступая, подошел к туалетной комнате. Здесь он с силой рванул дверь и громко спросил:

– Кто там?

Ответа не последовало. Голубцов включил электрический свет – туалетная была пуста, а из бачка равномерно и гулко капала вода.

«Король бубен» выругался и тут же увидел в настенном зеркале свое искаженное, бледное от волнения лицо.

«Горький мне достался хлеб», – подумал сам о себе Голубцов и, чтобы хоть немного успокоиться, закурил.

Отдохнув, он вернулся к стальной двери и стал медленно, как его обучил Крашке, выдавливать из тюбика с пластилином густую, вязкую массу в замочную скважину двери. Когда та была, наконец, заполнена, Голубцов выждал положенные пять минут и сильно рванул за оставленный хвостик уже застывший и твердый слепок.

На следующий день он встретился с Крашке в универмаге Мосторга и в сутолоке, не здороваясь, незаметно сунул тому слепок.

Через два дня «король бубен» зашел в пивной бар, где за столиком сидел Крашке в скромном, грубошерстном костюме. Сделав вид, что он не знает Крашке, Голубцов попросил разрешения сесть за его стол. Они молча, не глядя друг на друга, пили пиво. Когда Крашке, расплачившись, стал подниматься, он незаметно передал Голубцову изготовленный по слепку ключ.

В ту же ночь «король бубен», снова дежуривший по институту, открыл этим ключом стальную дверь и снял слепки с замка сейфа и сургучной печати, которой сейф был опечатан.

Слепки он снова передал Крашке, с которым на этот раз встретился в довольно странной обстановке: оба катались в лодках на пруде Чистопрудного бульвара.

Это было в конце апреля, стоял теплый вечер, на бульваре было много гуляющих. На маленьком пруде скользили многочисленные лодки, сталкиваясь одна с другой. В них катались влюбленные парочки, веселые студенческие компании и школьники старших классов. Крашке, в соломенной панаме, сняв пиджак, неумоимо кружил по пруду с видом человека, выполняющего врачебное предписание.

«Король бубен» тоже очень старательно греб, разгоняя тяжелую лодку и демонстрируя разные виды гребли.

Когда он в третий раз поравнялся бортом с лодкой Крашке, тот, опять-таки не здороваясь, швырнул в лодку Голубцова кожаный кисет на молнии, в котором находились резная медная печать для сургуча и ключ от сейфа Леонтьева.

«Операция Сириус» близилась к завершению.

* * *

Первого мая Голубцов был назначен дежурным вахтером и должен был дежурить целые сутки.

Утром, гладко выбритый и веселый, «король бубен» явился в институт, где уже собирались сотрудники на первомайскую демонстрацию.

Голубцов, с красным бантиком в петлице, сердечно поздравил всех с праздником и посетовал, что на этот раз ему не придется участвовать в демонстрации.

Сотрудники института собирались у главного подъезда, уже были приготовлены праздничные знамена, портреты и стяги, и ровно в девять часов утра колонна института влилась в районную колонну.

Еще накануне Крашке и Голубцов решили, что извлечение и фотографирование документов, хранившихся в сейфе Леонтьева, безопаснее произвести не ночью, когда в институте может быть произведена внезапная проверка, а днем, именно в часы демонстрации, когда, при всем желании, машине трудно пробиться к зданию института. В этот день ответственным дежурным по институту был некий Кравчук, заместитель директора, рыхлый и флегматичный человек. Накануне Кравчук встречал праздник, плохо выспался и теперь, удобно устроившись в мягком кресле, немедленно уснул. Убедившись в этом, Голубцов запер изнутри двери вестибюля и поднялся на второй этаж. Он быстро открыл стальную дверь, затем сейф, содрал с него сургучную печать, и достал папку, на которой было написано:

Сов. секретно

ЧЕРТЕЖИ И ФОРМУЛЫ ОРУДИЯ Л2

«Король бубен» разложил чертежи и документы – их было не так уж много – на столе, стоявшем у самого окна, стекла которого дребезжали от грома духовых оркестров, песен и веселого, праздничного гула.

Голубцов не выдержал и осторожно заглянул в окно. Широкая многоцветная человеческая река струилась по улице, заполняя ее от края до края, мелькали яркие косынки девушек, алые с золотыми кистями знамена, медные и серебряные трубы музыкантов, тысячи поющих, улыбающихся лиц.

«Королю бубен» стало не по себе. Сложные, противоречивые чувства охватили его. Он завидовал, да, мучительно завидовал всем этим людям, проходившим за окном в честь своего праздника, по своим улицам, своего города. Это и в самом деле был их город, их страна, их праздник. Праздник, к которому он, бывший дворянин и помещик Серж Голубцов, не имел никакого отношения, будь все они прокляты!

И вот они радуются и празднуют, а он, с дурацкой шулерской кличкой «короля бубен», должен, рискуя жизнью, выполнять задания грубого носатого немца, который становится изо дня в день все наглее и требовательнее и грубит дворянину Голубцову, как своему лакею.

Но, с другой стороны, была какая-то особая, жгучая радость в сознании: ведь тем, что он сейчас сделает, будет нанесен удар и по этому враждебному ему празднику и по этой поющей и тоже враждебной ему толпе, прославляющей все то, что лишило его поместья, потомственных привилегий, дворянского герба и всего, на что он имел право с момента рождения и чего его лишили.

И с такими мыслями, захлестнутый волной ненависти и жадной мести, Голубцов бросился к столу, на котором были разложены документы, и стал снимать их один за другим специальной «лейкой», которой его снабдил господин Крашке.

А второго мая, поздно ночью, сияющий Крашке ворвался, как буря, в личные апартаменты господина военного атташе и выложил на стол кассету от фотоаппарата, которым был снабжен «король бубен». Полковник Вейцель и Крашке, волнуясь от нетерпения, забрались в ванную комнату, служившую и для особо секретных фоторабот, и начали проявлять пленку. В темноте, только подчеркиваемой слабым красным светом фотофонаря, мерно постукивал бачок для проявления, осторожно покачиваемый господином Крашке. Вейцель сопел от волнения – шутка сказать, сейчас выяснится результат такой трудной и сложной работы!

Но вот пролетели установленные для проявления этого сорта пленки несколько минут, проявитель вылит из бачка, затем наполнен чистой водой, потом вылита вода и в бачок залит

фиксаж, еще несколько томительных минут, пленка вынута из бачка, и – слава всевышнему! – на ней имеются тридцать шесть отлично получившихся снимков чертежей, расчетов, формул...

– Хайль Гитлер! – заорал во всю глотку Крашке и начал трясти руку полковнику фон Вейцелю.

* * *

Итак, был достигнут полный успех. Ночью в Берлин полетела победная шифровка. Утром пришло шифрованное поздравление от Канариса и Пиккенброка и приказ немедленно отправить пленку в Берлин. Как раз в эти дни из Москвы в Берлин должен был выехать некто герр Мюллер, числившийся корреспондентом Германского телеграфного агентства, а в действительности сотрудник политической разведки. Герр Мюллер охотно согласился захватить с собой небольшой пакетик и обещал сразу по приезде в Берлин передать его по назначению.

Господин Вейцель, принимая решение отправить драгоценную пленку с Мюллером, сразу убивал двух зайцев: во-первых, Мюллер должен был доложить о пленке Гиммлеру, который тем самым информировался о победе господина атташе и при случае мог доложить об этом самому фюреру; во-вторых, получив пленку через Мюллера, адмирал Канарис уже никак не мог присвоить себе лавров полковника Вейцеля, что он нередко делал, и уже волей-неволей должен был объективно доложить о заслугах господина военного атташе.

Наконец, при всем том, адмирал Канарис никак не мог придаться к тому, что пленка была послана с Мюллером, ибо другой подходящей okazji в это время не было, а он сам требовал отправить ее как можно скорее.

Словом, все было задумано очень тонко, и Вейцель потирал руки от удовольствия.

Герр Мюллер жил в отеле «Националы», и Вейцелю не хотелось, чтобы Крашке отнес ему пленку в гостиницу. Поэтому было решено, что Крашке приедет прямо на вокзал проводить Мюллера, что было вполне естественно для пресс-атташе посольства, а там вручит ему драгоценный пакетик.

Так и было сделано. За час до отхода заграничного поезда Москва – Негорелое сияющий господин Крашке выехал из посольства на Белорусский вокзал, заверив полковника фон Вейцеля, что сразу после отхода поезда вернется в посольство и доложит своему патрону, что пленка поехала в Берлин.

Глава 2. «Вариант Барбаросса»

Уже две недели прошло после этого рокового дня, а и сегодня, все еще лежа в постели и вспоминая все подробности случившегося, господин фон Вейцель не мог сдержать нервной дрожи. Изволь вот при такой злосчастной судьбе оберегать нервно-сосудистую систему!

Не раз фон Вейцель давал себе слово не возвращаться к этим проклятым воспоминаниям, так нет, они назойливо лезли ему в голову.

В тот проклятый день он был, представьте, абсолютно спокоен, и ему и в голову не приходило, что в самый последний момент «операция Сириус» лопнет, как мыльный пузырь. Да и как можно было это предвидеть, когда все катилось, как по рельсам, и никаких признаков приближающейся беды не было.

В тот день, проводив Крашке до самого подъезда, господин Вейцель вышел во двор посольства, посмотрел, как шофер Август моет его длинный темно-синий «мерседес», сверкающий никелем и лаком. Было еще прохладно, но солнце уже начинало припекать. За воротами шумела полуденная весенняя Москва, отдохнувшая после первомайских праздников. Слева в одном из переулков, в школьном дворе, весело кричали дети. Через чугунное кружево ворот было видно, как мерно прохаживается взад-вперед рослый, очень вежливый милиционер, неизменно, с большим достоинством, отдававший честь, когда мимо него проезжали представители «дружественной державы», как любили именовать себя после советско-германского пакта 1939 года немецкие дипломаты и в том числе господин военный атташе.

Из открытого окна посольской канцелярии господину Вейцелю подчеркнуто скромно улыбалась фрейлен Грета.

Поглядев на ее кудрявую головку и пышную грудь, господин фон Вейцель решил сегодня пригласить ее снова – фрейлен Грета вполне этого заслуживала. И он осторожно сделал ей знак глазами, на что Грета утвердительно кивнула белокурой головкой.

В самом лучшем настроении, чуть охмелев от свежего воздуха, майского солнца и отлично складывающихся дел, полковник Вейцель вернулся в свой служебный кабинет и приступил к составлению секретного доклада об успешном завершении «операции Сириус».

Черт возьми, полковник фон Вейцель был мастер писать доклады!.. Здесь надо было найти тот особый тон, когда доклад, с одной стороны, отличался бы деловой скромностью и даже некоторой сухостью изложения, не обнаруживая и тени – боже упаси! – хвастовства, а, с другой стороны, из четкого перечисления всех сложностей, неожиданных препятствий и опасностей, стоявших на пути осуществления операции, должна была возникнуть красочная картина находчивости, смелости и настойчивости, проявленных лично господином атташе и его аппаратом...

Вейцель заканчивал уже пятый лист и выкурил три сигареты («надо будет все-таки бросить эту вредную привычку»), когда за дверью протопали чьи-то стремительные тяжелые шаги и в кабинет влетел, как огромный футбольный мяч, удачно забитый в ворота под самым носом растерявшегося вратаря, господин Крашке...

Ворвавшись в комнату, Крашке пролепетал что-то нечленораздельное. Господин атташе, сразу вспотев, мгновенно догадался, что случилось нечто ужасное.

– Что?! – вскричал он таким голосом, что заколыхались шелковые занавески на окнах.

– М-м-м... – замычал Крашке. – Убейте меня, господин полковник...

У Вейцеля хватило выдержки вылить полкувшина воды на голову этого кретина, после чего Крашке, дрожа и чуть не плача, сообщил, что на вокзале, в самый последний момент, у него... вырезали задний карман с бумажником, в котором были все его документы и эта самая пленка!..

Вейцель схватился за голову. Он накинулся на Крашке с бранью и криками, но тот даже не пытался оправдываться.

Прошло минут двадцать, пока господин Вейцель не вспомнил о своей нервно-сосудистой системе. Дрожащими руками он налил в стакан двойную порцию брома и залпом опрокинул его, от волнения он перепутал пузырьки и вместо брома налил тридцатипроцентный альбucid, который аккуратно капал себе в глаза вследствие конъюнктивита.

Господин атташе был очень мнителен и поднял страшную тревогу. Врача посольства, доктора Вейнзеккера, мирно дремавшего в дворовом флигеле, где он жил, разбудили, как на пожар. Толстый Вейнзеккер, этот проклятый бездельник, со сна долго не мог понять, в чем дело, глядя на катающегося на диване и ревущего господина фон Вейцеля, и наконец, уяснив суть происшествия, нахально заявил, что альбucid не так уж страшен и, если не считать легкой рези в кишечнике, которая к вечеру пройдет, даже полезен как дезинфицирующее средство...

Господин Вейцель с трудом удержался, чтобы не отпустить оплеуху этому толстому шарлатану, которому наплевать на чужие страдания, но Вейнзеккер, трубно высморкавшись в огромный клетчатый платок, величественно удалился во флигель с видом человека, выполнившего свой долг.

А резь в животе продолжалась, хотя Вейнзеккер нагло утверждал, что это главным образом нервные спазмы.

* * *

Итак, Крашке был обворован. В бумажнике находилось небольшое количество валюты, личное удостоверение Крашке, та самая пленка и визитная карточка сотрудника миссии Отто Шеринга, на обороте которой тот написал Крашке, что приветствует его в день приезда в Москву как старого знакомого и коллегу по работе. (Отто Шеринг, значившийся экономическим атташе, был в действительности работником политической разведки.)

По зрелом размышлении и после обсуждения случившегося в узком кругу своих ближайших сотрудников полковник Вейцель пришел к следующим выводам.

Во-первых, было неясно, кем обворован Крашке. Если он стал жертвой обычного карманника, то это еще полбеды. Однако вовсе не исключалось, что бумажник в конечном счете окажется в руках советских органов безопасности.

Во-вторых, Крашке, как и этому идиоту Шерингу, сделавшему эту дурацкую надпись на визитной карточке, надо было немедленно, пока не поздно, возвращаться в Берлин.

В-третьих, в целях предосторожности было решено прекратить встречи с «королем бубен», который, при сложившейся ситуации, может быть не сегодня-завтра разоблачен.

Когда это решение было принято, Вейцель счел необходимым хотя бы частично информировать о случившемся посла, чтобы объяснить причины внезапного откомандирования в Берлин Крашке и Шеринга, тем более что последний вообще не был подчинен военному атташе.

Господин фон Шуленбург, совсем уже пожилой человек, с внимательным, холодным взглядом и повадками немецкого дипломата старой школы, по обыкновению, молча выслушал сообщение военного атташе, слегка постукивая карандашиком по подлокотнику своего кресла. Понять, что он думает, было трудно.

– Это все, господин полковник? – коротко спросил он, когда Вейцель закончил свой рассказ и изложил свои предложения.

– Да, господин посол, – ответил Вейцель, с раздражением глядя на невозмутимое лицо посла. – «Я хотел бы просить вашего совета.

– Давать советы хорошо своевременно, – не без ехидства заметил Шуленбург, – и я весьма сожалею, что идея посоветоваться лишь теперь пришла вам в голову, мой дорогой пол-

ковник. А если учесть известное вам соглашение, подписанное рейхсфюрером СС и рейхсминистром иностранных дел, то эта несвоевременность просто загадочна...

И господин фон Шулленбург очень выразительно улыбнулся. В глубине души он был даже этому происшествию рад. По некоторым, хотя и весьма косвенным данным Шулленбург давно догадывался, что фон Вейцель всячески ему пакостит.

Старый немецкий дипломат и примерный службист, господин фон Шулленбург в глубине души очень не любил выскочек вроде этого Вейцеля. Вообще далеко не все, что происходило в «третьей империи», было понятно Шулленбургу, начиная с личности «фюрера», неизвестно откуда вынырнувшего и плохо владеющего немецким языком австрийца. Шулленбург знал, что настоящая фамилия Гитлера – Шикльгрубер, что он очень истеричен и вспыльчив, мало образован и большой позер. Откуда, каким ветром занесло в кресло канцлера этого крикуна с вульгарной челкой и воспаленными глазами эпилептика? И не в этой ли явной истерии секрет его успеха у толпы?

Так думал в глубине души господин Шулленбург в те дни, когда Гинденбург и На пен вручили 30 января 1933 года Гитлеру звание канцлера Германской республики. Ровно через месяц, 28 февраля, новоиспеченный канцлер отменил ряд пунктов Веймарской конституции и провел «закон о защите народа и империи», по существу сделавший его диктатором.

Однако это были только цветочки. Когда начались массовые расстрелы, концлагери, в которые сотни тысяч людей заключались без следствия и суда, пытки, конфискации, уличные погромы, господин фон Шулленбург окончательно перестал что-либо понимать.

Но с ходом событий он пришел к выводу, что лучше служить, не понимая, чем сидеть в концлагере, понимая. И он стал служить Гитлеру, решив, что все же лучше Гитлер, нежели коммунисты.

Шулленбург знал, что к нему относятся без излишнего доверия, что многие из его подчиненных в посольстве, помимо своих основных обязанностей, имеют задание следить за ним. Но взаимная слежка, как и взаимное недоверие стали альфой и омегой «третьей империи». И господин посол с этим примирился.

Он очень не любил Советский Союз. Коммунистическая идеология была глубоко враждебна всему, к чему он привык с детства, что любил и с чем не хотел расставаться.

Но он был достаточно умен для того, чтобы видеть, что социалистический строй прочно установился в этой стране и что правительство Советского Союза, при котором он был аккредитован, ведет твердую политику, пользующуюся поддержкой народа. Словом, что там ни говори, это было настоящее правительство в самом высоком и государственном смысле этого слова.

Фон Шулленбург отдавал себе отчет в серьезных успехах, которые достигнуты советским пародом. Как ни печально, но это была мощная держава, с передовой индустрией, высокой общей и технической культурой, возраставшей буквально с каждым годом, и несомненной сплоченностью многонационального населения.

Нередко по ночам – в последнее время он страдал бессонницей – посол признавался самому себе, что то, что он и многие другие рассматривали как рискованный и обреченный на поражение социальный эксперимент, увы, побеждает. Да, эти большевики отлично знали, чего хотят и как этого достигнуть! Это сказывалось и в их внешней политике, лишенной внезапных рывков, отступлений, нарушения принятых на себя обязательств и лицемерных заверений, на которые так щедр был Гитлер.

(Как опытный дипломат, Шулленбург не мог не оценить достоинств такой внешней политики, не говоря уже о том, что руководители советской дипломатии были, что ни говори, серьезные люди. Как правило, они были немногословны, хотя неизменно корректны, избегали туманных формулировок, до которых так охочи западные дипломаты, очень точны в обещанных сроках и ответах.

В результате своих наблюдений в Советском Союзе фон Шулленбург был твердо уверен и в боевой мощи советских вооруженных сил и считал, что Германии опасно воевать с этой страной.

Шулленбург не раз излагал, хотя и в очень осторожной форме, свою точку зрения по этому вопросу. Но он ясно видел, что Гитлер, упоенный победами на западе, стремится к выходу на восток.

Правда, Шулленбургу об этом прямо не было сказано, что лишний раз свидетельствовало об отсутствии полного доверия к нему, но по ряду чисто косвенных деталей и нюансов посол догадывался, что там, в Берлине, в секретных комнатах новой имперской рейхсканцелярии уже идет подготовка этого безумного плана.

И фон Шулленбург, побряхтев во время ночной бессонницы, ровно в десять утра приходил в свой роскошный посольский кабинет (с которым тоже очень не хотелось расстаться) и весь день старательно и педантично играл роль человека, без ума влюбленного в своего «фюрера», кричал, как было принято, «Хайль Гитлер!», с обязательным выбрасыванием правой руки, восхищался «историческими заслугами» того же Гитлера; на праздничных вечерах в посольстве торжественно, тоже непременно стоя, провозглашал за него первый тост и всячески и всем, до последнего курьера посольства (ибо и этот курьер, вероятно, был тайным осведомителем гестапо), стремился со всей очевидностью показать, что он, господин фон Шулленбург, чрезвычайный и полномочный посол Германии в Москве, всем сердцем, всем телом, всеми помыслами беспредельно и навсегда предан этому дегенерату с челкой!.. И что он, фон Шулленбург, свято верен «партийной клятве», которую он дал, вступая в нацистскую партию, и текст которой гласил: «Я клянусь в нерушимой верности Адольфу Гитлеру; я клянусь беспрекословно подчиняться ему и тем руководителям, которых он изберет для меня».

Да, все это было, было: и клятва, и вступление в нацистскую партию, чтобы удержаться на поверхности, и несколько лет всего того кошмара, который принесла Германии эта пресловутая «партия» и ее удивительный фюрер...

* * *

Разговор с господином Вейцелем подходил к концу. Посол согласился с тем, что Крашке и Шеринг должны немедленно покинуть Москву и вернуться в Берлин. Он подписал подготовленное Вейцелем распоряжение и не преминул заметить, что вся эта история чревата самыми серьезными последствиями, которые даже трудно полностью предусмотреть.

Выйдя из кабинета посла и вернувшись к себе, фон Вейцель написал подробную шифровку обо всем случившемся, в которой постарался как можно больше выгородить себя и подчеркнуть растерянность и тупоумие Крашке.

Он предложил также временно свернуть «операцию Сириус».

Шифровка была отправлена в Берлин третьего дня, вчера утром выехали из Москвы (Крашке и Шеринг, и уже ночью из Берлина поступили две шифровки в ответ.

Одна предлагала фон Шулленбургу и Вейцелю немедленно выехать в Берлин с докладом.

Вторая телеграмма содержала разрешение временно свернуть «операцию Сириус» и категорически предписывала им ни в коем случае не встречаться с «королем бубен».

Обе телеграммы были неприятны, но если вторая была вполне понятна и естественна при этих обстоятельствах, то первая поднимала тревожный вопрос: зачем вызывают в Берлин господина военного атташе, да еще вместе с послом?..

Вот почему в это майское утро фон Вейцель проснулся в своей постели с головной болью, в самом дурном настроении и, против обыкновения, так долго продолжал лежать, вместо того чтобы сделать утреннюю гимнастику, а потом принять холодный душ.

Уже после завтрака, который Вейцель тоже съел без обычного удовольствия, его пригласил к себе посол. Когда Вейцель вошел к нему, то впервые увидел господина Шуллербурга в явно встревоженном состоянии. Оказалось, что он тоже получил вызов в Берлин. И, видимо, несмотря на разницу характеров и положения, у господина чрезвычайного и полномочного посла возник тот же проклятый вопрос: зачем?..

– Скажите, полковник, – почти нежно произнес Шуллербург, – не указано ли в полученной вами телеграмме, какие документы и по каким вопросам вам следует захватить с собой?

– К сожалению, господин посол, в телеграмме ничего этого нет. А в вашей телеграмме не указывается цель вызова?

– Нет, об этом ничего не сказано, полковник. Я предполагаю, что это может быть вызвано происшествием с Крашке, но не могу понять, какое отношение имею к этому я? Тем более что обо всем этом деле я, как вы помните, вообще узнал постфактум.

– Я думаю, – произнес Вейцель, мысленно посылая Шуллербурга ко всем чертям, – что мы оба вызваны совсем не в связи с этим делом. Впрочем, я не люблю гадать на кофейной гуще. Надеюсь, мы поедем вместе?

– Разумеется, – ответил Шуллербург, – я уже поручил шефу канцелярии приобрести два билета в международном вагоне. Надеюсь, полковник, вы не возражаете, если мы поедем в одном купе? Это как-никак спокойнее.

– Я буду только рад, господин посол, – щелкнул каблуками Вейцель и, простившись с послом, пошел укладываться и приводить в порядок свои дела.

* * *

Но дело в том, что как Шуллербург, так и Вейцель не знали, что их вызывают в Берлин в связи с «вариантом Барбаросса», то есть планом нападения Германии на Советский Союз. Этот план вынашивался Гитлером давно, еще с тридцатых годов, когда он только пришел к власти.

Еще в 1936 году американский посол в Берлине Додд записал в своем дневнике: «В сентябре 1936 года на состоявшемся совещании, на котором присутствовали Шахт и другие, Геринг заявил, что Гитлер на основании того, что столкновение с Россией неизбежно, дал имперскому министру соответствующие указания, а затем Геринг добавил, что необходимо предпринять все меры, точно такие, какие должны были бы быть предприняты, если бы на самом деле стояли сейчас перед непосредственной угрозой войны».

Эту запись Додд сделал со слов Шахта – имперского министра экономики и президента Рейхсбанка, который счел почему-то нужным информировать об этом американского посла.

Двадцать третьего мая 1939 года Гитлер созвал в своем кабинете в новой имперской канцелярии секретное совещание, на которое были приглашены Геринг, Редер, Браухич, Кейтель, генерал-полковник Мильх, генерал артиллерии Гальдер и другие представители высшего военного командования. Запись совещания вел подполковник генштаба Шмундт. Темой совещания был объявлен «Инструктаж относительно современного положения и целей политики».

Подполковник Шмундт постарался дословно записать выступление Гитлера на этом ответственном совещании. Гитлер тогда оказал:

«Если судьба нас толкнет на конфликт с западом, то будет хорошо, если мы к этому времени будем владеть более обширным пространством на востоке...»

Речь идет для нас о расширении жизненного пространства на востоке «и обеспечении продовольственного снабжения, о разрешении балтийской проблемы...»¹

Первого сентября 1939 года германские вооруженные силы вторглись в Польшу, 9 апреля 1940 года в Данию и Норвегию, 10 мая 1940 года в Бельгию, Голландию и Люксембург, 6 апреля

¹ Подлинный текст из дневника Додда, оглашенный на Нюрнбергском процессе.

1941 года в Грецию и Югославию, причем в отношении каждой из этих стран Гитлер не раз давал торжественные заверения, что будет поддерживать их суверенитет.

Точно так же Гитлер поступил с Францией. 14 января 1935 года, после плебисцита, на котором был решен вопрос о возвращении Саарской области Германии, Гитлер сделал торжественное заявление, что он «впредь не предъявит Франции никаких территориальных требований». Он продолжал эти заверения до конца 1938 года. 6 декабря 1938 года Риббентроп приехал в Париж и подписал Франко-Германскую декларацию, в которой было признано, что «граница между сопредельными государствами является окончательной».

Пройдет несколько лет, и на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников главный обвинитель от французской республики де Ментон в своей речи, произнесенной 17 января 1946 года, будет вынужден с горечью признать:

«Общественное мнение Франции и Великобритании, обманутое заявлением Гитлера, поверило тому, что замыслы нацистов направлены только на обеспечение судьбы национальных меньшинств оно надеялось, что существует предел германским притязаниям... Франция и Великобритания позволили ей (Германии), вооружиться...»

Как показал на том же Нюрнбергском процессе подсудимый Кейтель, бывший начальник верховного командования германскими вооруженными силами и член тайного совета, Гитлер сначала собирался напасть на Советский Союз в конце 1940 года. Еще раньше, весной 1940 года, был разработан план этого нападения. Он обсуждался в июле того же года на военном совещании в Рейхенхалле.

Осенью 1940 года Гиммлер, Кейтель и Йодль, начальник штаба верховного командования, окончательно утвердили и подписали план нападения на СССР, зашифрованный наименованием «Вариант Барбаросса».

Только девять человек в «третьей империи» были ознакомлены тогда с этим планом – так тщательно он был засекречен. После разгрома гитлеровской Германии этот секретнейший документ с подлинными подписями Гитлера, Кейтеля и Йодля был обнаружен и оглашен на Нюрнбергском процессе.

Вот текст этого секретного плана:

«Директива № 21

«Вариант Барбаросса»

Немецкие вооруженные силы должны быть готовы к тому, чтобы еще до окончания войны с Англией победить путем быстрой военной операции Советскую Россию («вариант Барбаросса»). Для этого армия должна будет предоставить все состоящие в ее распоряжении соединения, с тем лишь ограничением, что оккупированные области должны быть защищены от всяких неожиданностей.

Задача военно-воздушных сил будет заключаться в том, чтобы высвободить для восточного фронта силы, необходимые для поддержки армии, с тем, чтобы можно было рассчитывать на быстрое проведение наземной операции, а также на то, чтобы разрушения восточных областей Германии со стороны вражеской авиации были бы наименее значительными.

Основное требование заключается в том, чтобы находящиеся под нашей властью районы боевых действий и боевого обеспечения были полностью защищены от воздушного нападения неприятеля и чтобы наступательные действия против Англии и в особенности против ее путей подвоза отнюдь не ослабевали.

Центр тяжести применения военного флота остается и во время восточного похода направленным преимущественно против Англии.

Приказ о наступлении на Советскую Россию я дам в случае необходимости за восемь недель перед намеченным началом операции.

Приготовления, требующие более значительного времени, должны быть начаты (если они еще не начались) уже сейчас и доведены до конца к 15.5.41 г.

Особое внимание следует обратить на то, чтобы не было разгадано намерение произвести нападение...»

И далее в этом плане подробно предусматривались все необходимые приготовления и мероприятия.

Таков был план «Барбаросса», разработанный Гитлером и его штабом. Все было предусмотрено в этом плане, и, казалось, все предвидели его авторы: и преимущества внезапного удара, и возможных союзников, с которыми предварительно уже секретно договорились, и взаимодействие всех родов войск, и задачи, поставленные перед ними, и конечные цели всей «операции», и глубочайшую засекреченность самого плана и всех предварительных приготовлений. Все предусмотрели и предвидели в этом плане, кроме одного: мужества и стойкости советского народа, его любви к своей родине и умения отстаивать ее независимость и честь в любое время, при любых обстоятельствах и от любых врагов...

Трое подписали план «Барбаросса» – Гитлер, Йодль и Кейтель. И через пять лет Гитлер покончил с собой в душном подземелье новой имперской канцелярии, Йодль и Кейтель были повешены по приговору Международного Военного Трибунала во дворе старинной нюрнбергской тюрьмы вместе со своими сообщниками, повешены в том самом древнем баварском городе, где фашистская «партия» так торжественно проводила свои съезды, принимала свои людоедские, «законы» и утверждала свои безумные планы «мирового господства».

* * *

Голубоватые кольца сигарного дыма плавали в купе международного вагона, в котором Шулленбург и Вейцель ехали в Берлин. Две допитые бутылки зеленоватого рейнвейна – любимая марка господина Шулленбурга – позвякивали на столике при каждом толчке поезда, стремительно мчавшегося на запад. Сидя друг против друга в этом уютном купе, сверкающем красным полированным деревом и бронзовой арматурой, размякнув от движения, выпитого вина и сигарного дыма, – посол и военный атташе без обычного недружелюбия поглядывали друг на друга. Впрочем, их примиряло не столько общее путешествие в одном купе, сколько томительная неизвестность цели этого путешествия и его возможных результатов. Общая тревога сближала их.

Кроме того, каждый из них считал полезным на всякий случай подчеркнуть свое расположение к другому. Вейцель делал это, чтобы Шулленбург не очень играл в Берлине на несчастье с Крашке; Шулленбург пытался задобрить Вейцеля, чтобы тот не очень распространялся «в своей конторе» относительно позиции посла в вопросе о германо-советских отношениях.

За окнами вагона шумел май. Дымились свежееудобренные пашни, кое-где гудели на полях, как огромные пчелы, тракторы, первая, еще робкая зелень была удивительно нежна. Маленькие будки дорожных мастеров и стрелочников, кирпичные здания полустанков и полосатые шлагбаумы железнодорожных переездов мелькали, как на экране. Стук колес и свист ветра сливались в ту особую, свойственную только железной дороге симфонию, которая в одно и то же время и успокаивала, и погружала в дрему, и вызывала смутные мысли о том, что же поджидает тебя впереди.

– Удивительная страна, – осторожно начал Шулленбург, указывая на скользящий за окном вагона пейзаж, – бескрайние просторы, неисчерпаемые богатства земных недр и самый фанатичный в сегодняшнем мире народ. Следует признать, мой дорогой полковник, что в Берлине имеют весьма приблизительное представление о Советской России и ее возможностях...

– Какие возможности вы имеете в виду, уважаемый господин фон Шулленбург? – спросил Вейцель.

– Прежде всего их промышленный и военный потенциал, – ответил Шулленбург.

– Я не высокого мнения о советских вооруженных силах, – чуть быстрее, чем следовало, возразил Вейцель, сразу вспомнив свой доклад о киевских маневрах. – Что же касается их промышленного потенциала, то серия хорошо подготовленных налетов бомбардировочной авиации может без особого труда его ликвидировать.

Фон Шулленбург задумался.

– Ах, господин полковник, – произнес он после значительной паузы, – от этих русских всегда можно ожидать всяких неожиданностей. Нам, представителям цивилизованной страны, даже трудно представить себе все, на что способны эти азиаты... И, с этой точки зрения, нельзя не вспомнить Бисмарка, который, как вам известно, решительно рекомендовал Германии никогда не воевать с Россией.

– Стоит ли вспоминать о Бисмарке, когда, к счастью Германии, есть Адольф Гитлер! – торжественно произнес Вейцель, глядя прямо в глаза Шулленбургу и с удовольствием заметив, что тот несколько растерялся.

– О да! – поспешил ответить Шулленбург. – Гений нашего фюрера поистине счастье для Германии. То, что удалось фюреру за последние годы, еще сотни лет будет удивлять историков...

И, произнеся эту тираду, господин фон Шулленбург окончательно решил не говорить больше с Вейцелем на эти темы.

В Берлин они приехали утром и в тот же день явились по начальству.

Генерал Пиккенброк, как только Вейцель вошел в его кабинет, закатил военному атташе такой скандал, что Вейцеля едва не хватил удар. Но это была только прелюдия: к концу дня Пиккенброк повел почти полумертвого Вейцеля к адмиралу Канарису. Последний был зловеще спокоен. Он молча протянул Вейцелю руку, пригласил его сесть и, по обыкновению, начал насвистывать модный опереточный мотив – господин адмирал имел отличную музыкальную память и очень этим гордился. Пиккенброк и Вейцель молчали.

– Германская разведывательная служба, – начал наконец Канарис, – разумеется, укомплектована не только гениями. Но я никогда не думал, господин полковник, что абсолютный болван, лишенный элементарной профессиональной осторожности, может подвизаться в роли нашего военного атташе, да еще в такой стране, как Советская Россия... Не кажется ли вам, что это, по меньшей мере, странно?

– Господин адмирал, – воскликнул Вейцель, мгновенно вскочив с кресла, – позвольте хотя бы два слова!

– Не позволю! – отрубил Канарис. – Вам нечего объяснять! Не желаю слушать всякий вздор! Вы провалили важнейшее задание, которым интересовался сам фюрер... В состоянии вы понять хотя бы это?

– Господин адмирал... – залепетал Вейцель, – во всем виноват этот Крашке, которого, кстати, я совсем не знал... И он... И я... Одним словом...

– Молчать! – закричал Канарис и так хватил кулаком по столу, что хрустальный письменный прибор зазвенел на всю комнату. – Я назначаю служебное расследование и подвергаю вас на время расследования домашнему аресту. Вы слышите, генерал Пиккенброк?

– Так точно, господин адмирал, – щелкнул каблуками Пиккенброк.

К концу этой беседы выяснилось, что с «Крашке поступили еще более круто: его уволили из главного управления военной разведки и назначили представителем «Абвера» в одну из дивизий, которой командовал некий генерал-майор Флик и которой предстояло направление на фронт.

Началось служебное расследование, во время которого выяснилось, что Крашке в своих письменных объяснениях пытался все свалить на Вейцеля, заявив, что тот приказал ему ехать на вокзал и там передать пленку, вопреки его, Крашке, предложению передать эту пленку Мюллеру накануне его отъезда.

Инспектор для особых поручений, который производил служебное расследование, особенно напирал на эти объяснения Крашке.

Бедняга Вейцель провел двое суток под домашним арестом в своей загородной вилле, только днем его возили на допросы к инспектору.

Бог знает, чем бы все это кончилось, если бы не мудрость фюрера, который, когда ему доложили результаты расследования, спросил:

– Не тот ли это полковник Вейцель, который прислал доклад о киевских маневрах?

– Тот самый, мой фюрер, – ответил Канарис.

– Это был превосходный доклад, – сказал Гитлер, – этот полковник честный немец и знает свое дело.

Канарис, который только что собирался характеризовать Вейцеля как бездельника, тупицу и лицо, не заслуживающее доверия, немедленно перестроился и стал петь Вейцелю дифирамбы.

– Ограничьтесь устным внушением, – приказал Гитлер, – а завтра привезите этого полковника ко мне. Я хочу с ним поговорить.

Канарис, вызвав к себе после этого разговора Вейцеля, был обходителен и мил до чрезвычайности. Передав Вейцелю в общих чертах решение фюрера и даже похлопав его по плечу, он приказал явиться к нему на следующий день утром в парадной форме, чтобы вместе поехать к Гитлеру.

И вот они вдвоем входят в кабинет фюрера, куда их пропускает сам Мартин Борман, секретарь фюрера и руководитель партийной канцелярии.

Вейцель мысленно отметил подчеркнутую подобострастность, с которой Канарис поздоровался с Борманом, и понял, что этот человек пользуется огромным влиянием.

Когда Канарис и Вейцель вошли в кабинет Гитлера, они увидели фюрера, склонившегося над огромной картой, разложенной на длинном столе для заседаний. Рядом с Гитлером стоял Геринг, также склонившийся над картой.

Гитлер расчерчивал карту огромным красным карандашом, заливаясь счастливым смехом. Геринг старательно вторил ему. Оба были так увлечены картой, что даже не обернулись на скрип двери.

Канарис и Вейцель застыли в позе «смирно», не решаясь оторвать руководителей «третьей империи» от занятия, которым они были так поглощены.

– Смотрите, Герман, – говорил Гитлер, указывая на отчеркнутую им жирную красную линию, – здесь, на границе Урала, только здесь я остановлю победный марш моих войск. Здесь будут наши военные колонии...

В этот момент в кабинете появился Борман, который запросто подошел к Гитлеру и шепнул ему о приходе Канариса и Вейцеля.

Гитлер и Геринг обернулись к ним. Гитлер с интересом взглянул на Вейцеля и спросил:

– Вы давно из Москвы, полковник? Что там нового? Как чувствуют себя русские большевики? Все еще собираются строить коммунизм?

И он отрывисто, чуть повизгивая, захохотал, закидывая назад сплюснутую книзу голову с неизменным клоком волос, как бы приклеенным ко лбу, выпученными глазами и маленькими усиками.

Рядом со слонообразным, оплывшим Герингом низкорослый, тощий фюрер выглядел особенно нелепо.

Господин Вейцель довольно складно ответил на вопрос фюрера, что в Москве, судя по всему, нет ничего нового, большевики действительно продолжают упорствовать со строительством коммунизма и особо заметных военных приготовлений нет.

Тут Гитлер пригласил Канариса и Вейцеля сесть за стол и стал задавать Вейцелю вопрос за вопросом.

Отвечая на эти вопросы, Вейцель рассказал, что в России отличные виды на урожай, продовольствия сколько угодно, население питается хорошо, данных о срочных мобилизациях нет.

Каждый из этих ответов заметно радовал фюрера, и Вейцель из этого понял, что война предрешена.

В конце разговора, который шел вполне мирно и даже весело, фюрер внезапно вскочил с кресла (все сразу встали) и начал кричать, что он верен «своей исторической миссии» и докажет всему миру, что уничтожит коммунизм дотла.

– Я превращу Ленинград в пепел, – кричал он, ударяя кулаком по столу, – а Москву в груды развалин!.. Я покажу всем этим либеральным европейским болтунам и социалистическим собакам, что такое нацистский кулак!.. Они боятся России, как огня, а я сокрошу ее в три месяца!..

Он долго еще кричал, сыпля ругательства и проклятия, сменявшиеся хвастливыми угрозами и клятвами, бросая на пол карандаши, ручки, весь сотрясаясь от судорожных конвульсий. Невозможно было понять, почему так внезапно и сразу наступил этот почти эпилептический припадок, почему он начал так бесноваться, орать и дергаться.

Вейцель, еще никогда не видевший Гитлера в таком состоянии, оцепенел от ужаса: кто знает, что может выкинуть этот фюрер, который явно ненормален? Что можно ждать от сумасшедшего?

Геринг стоял с равнодушным и даже немного скучающим лицом – он давно привык к подобным выходкам Гитлера и в глубине души считал его абсолютно дегенератом, который невесть почему стал фюрером, хотя, по справедливости, фюрером Германии должен был стать как раз он, Герман-Вильгельм Геринг, настоящий немец, а не этот тощий австрияк, который злится на весь мир и делает уйму глупостей.

Канарис, адмирал Канарис, глава германской разведывательной службы, готовый при первом удобном случае продаться любой иностранной разведке, если только она будет хорошо платить (что он в дальнейшем и сделал, став секретным сотрудником американской разведки), стоял с непроницаемым выражением лица, мысленно прикидывая, на сколько может затянуться этот очередной приступ и не сорвет ли он весьма приятного свидания, которое назначила господину адмиралу эта удивительная фрейлен Эрна, новая звезда венской оперетты, гастролирующая теперь в Берлине и завоевавшая столицу своими ногами и, главное, умением их весьма пикантно показать.

А фюрер продолжал кричать и скоро сорвал свой и без того натруженный на митингах голос. Он перешел на фальцет – и вдруг, тоже без всякого перехода и, видит бог, без всяких причин (так по крайней мере подумал Канарис) побежал к сейфу, вынул из него орден железного креста и, подбежав к напуганному насмерть Вейцелю, прикрепил орден к его парадному кителю, крича:

– Вот тебе за истинно немецкий дух и светлую голову!..

Геринг и Канарис, придя в полное недоумение, тем не менее вытянулись и застыли в положении «смирно», как этого требовал в таких случаях имперский военный устав. Полковник Вейцель, вчера еще размышлявший о том, что не закончится ли домашний арест заключением его в Моабитскую тюрьму или какой-нибудь концлагерь, испугался, не происходит ли все это с ним во сне...

И уже дома, сняв парадную форму и облачившись в спокойную домашнюю пижаму, германский военный атташе в Москве, полковник Ганс фон Вейцель, подойдя к зеркалу, пристально взгляделся в свое осунувшееся от треволнений последних дней лицо и вдруг начал от всей души хохотать...

Вот что значит представить угодный начальству доклад!..

* * *

Увы, господин фон Шулленбург не только не получил ордена, но, напротив, имел очень неприятный разговор с рейхсминистром иностранных дел господином Йоахимом фон Риббентропом.

Господин рейхсминистр заявил послу, что фюрер чрезвычайно недоволен его докладами и совершенно не разделяет выводов, которые он столь легкомысленно делает.

На вопрос Шулленбурга, может ли он надеяться быть лично выслушанным фюрером, чтобы обосновать свои выводы, Риббентроп странно усмехнулся и произнес довольно загадочную фразу, смысл которой сводился к тому, что вряд ли фюрер сочтет это полезным для себя и что и для господина Шулленбурга, пожалуй, будет полезнее, если эта аудиенция не произойдет...

Риббентроп, конечно, не сказал Шулленбургу главного: что фюрер хотел арестовать его и передать в гестапо и что Шулленбурга спасло именно то, что война была предreshена. Гитлер считал, что внезапная смена посла может вызвать в Москве подозрения, а ему хотелось именно теперь ничем не выдавать своих замыслов. Поэтому он согласился с предложением Риббентропа вернуть Шулленбурга в Москву, решив про себя, что арестовать его он всегда успеет. Риббентроп приказал Шулленбургу по возвращении в Москву предпринять ряд шагов, направленных к тому, чтобы уверить советское правительство, что Германия хочет быть верной советско-германскому пакту.

Шулленбург возвращался в Москву один, так как Вейцель еще должен был задержаться в Берлине. Он ехал с недобрыми предчувствиями, которые не обманывали его².

В те самые дни и часы, что Шулленбург провел в вагоне, следуя из Берлина в Москву, германские дивизии скрытно подвозились к советским границам. Со всех сторон Европы, пароходами и океанскими лайнерами, товарными и пассажирскими поездами, целыми автоколоннами и транспортными самолетами, сушей, морем и по воздуху, подвигались к границам СССР артиллерия и тысячи танков и самолетов, бомбы и боеприпасы, штабные машины всех марок мира, награбленные во всех странах закабаленной Европы, прожекторные части, передвижные радиостанции, походные типографии, специально обученные парашютисты-диверсанты, переодетые в форму советской милиции и органов МВД и снабженные толком и портативными рациями, гестаповские «зондер-команды», особо подготовленные для массового уничтожения советского населения и партийного актива, шпионы всех мастей и расценок, опытные тюремщики, набившие руку палачи, тучи всякого рода «экономических советников», готовых налететь, как воронье, на оккупированные области, чтобы немедленно выкачать оттуда все, что возможно. По ночам, рокоча моторами, подползали к советским рубежам самоходные пушки и минометы, танки всех армий Европы, скрытно подкрадывалась вся Чудовищная гитлеровская военная машина, готовая по первому приказу фюрера внезапно ринуться со всех сторон на советскую землю.

² По приказу Гитлера Шулленбург был расстрелян 10 декабря 1944 года.

Глава 3. Смерть и рождение

В то самое утро, когда фон Вейцель направил Крашке на Белорусский вокзал для передачи пленки уезжавшему в Берлин герр Мюллеру, молодой карманник «Жора-хлястик», имевший, однако, солидный воровской стаж и три судимости в прошлом, шел по улице Горького, направляясь к тому же вокзалу для проводов заграничного поезда Москва – Негорелое.

Собственно, провожать Жоре-хлястику было решительно некого, но Белорусский вокзал и этот заграничный поезд представляли для него совершенно определенный интерес – это была зона его воровской деятельности. Именно на этом вокзале и перед самым отходом именно этого поезда Жора-хлястик в предотъездной вокзальной суতোлке довольно удачно обворовывал пассажиров или тех, кто их провожал.

Жора-хлястик был вор-одиночка и потому «работал» на свой страх и риск, не получая доли из общего «котла», как было раньше, когда он состоял в воровской «артели» и делил с другими карманниками дневную выручку.

«Артель» давала известные преимущества в том смысле, что если в определенный день кто из карманников оставался без «улова», то он все равно получал долю из общего котла.

Но, несмотря на все это, Жора-хлястик не захотел оставаться в «артели». Ему надоели вечные ссоры из-за взаимных расчетов, традиционные пьянки после удачного дня, диктаторский тон «председателя артели» и весь этот воровской быт с частыми драками, игрою в карты, жадными, цепкими «марухами» и постоянным недоверием друг к другу – не стал ли он «легалым», то есть осведомителем уголовного розыска.

Кроме того, Жора в глубине души давно уже сознавал, что ведет никчемную жизнь и что с этим пора кончать.

Но сейчас, направляясь к Белорусскому вокзалу с видом человека, совершающего свой утренний моцион, Жора-хлястик был в самом отличном настроении. Все радовало глаз и душу. И эта нарядная, залитая майским солнцем и только что вымытая специальными машинами улица, и радостная, веселая уличная толпа, и зеркальные витрины магазинов, и яркие краски вывесок, и излюбленный им кафетерий «Форель», где служила продавщицей веселая, кокетливая Люся, молоденькая шатенка со вздернутым носиком, охотно принимавшая ухаживания Жоры-хлястика, представившегося ей артистом-чечеточником Мосэстрады, и уже дважды ходившая с ним в «Эрмитаж», и, наконец, весь этот удивительный весенний день, полный свежести, улыбок и блеска глаз молодых женщин, звонкого смеха, веселых автомобильных гудков, трамвайных звонков, легкого постукивания высоких дамских каблучков и мягкого шелеста шелковых юбок, сливающихся в особую праздничную симфонию большого города.

На Белорусском вокзале, как всегда перед отходом дальнего поезда, царила веселая суতোлка. Носильщики разгружали подходившие одну за другой машины с пассажирами, в киосках расхватывались свежие журналы и газеты, у буфетной стойки толпилась нетерпеливая очередь, бойко торговали продавщицы мороженого и первых весенних фиалок, во всех направлениях сновали женщины с детьми, солидные хозяйственники с толстыми портфелями и иностранцы, сопровождаемые носильщиками, тащившими за ними чемоданы с яркими наклейками, на которых были написаны на разных языках наименования разных отелей всех стран мира, с соответственными изображениями египетских пирамид, стамбульских минаретов, парижской Эйфелевой башни и венецианских каналов.

* * *

Жора-хлястик (настоящая его фамилия была Фунтиков) спокойно закурил, с удовольствием посмотрел на свои ярко начищенные ботинки редкого апельсинового цвета, купил перронный билет и вышел к уже поданному на платформу поезду.

У коричневого международного вагона он обратил внимание на какого-то иностранца с моноклем (это был Крашке), который тоже, видимо, пришел кого-то провожать, но еще не дождался уезжающего, и теперь нетерпеливо поглядывал на часы. Фунтиков, не глядя ему в лицо, осмотрел его сзади, – он большей частью «работал» по задним карманам. Иностранец медленно похаживал вдоль вагона» чуть поваливая бедрами. На нем были светлые фланелевые брюки с бежевым оттенком и светло-коричневый, в тон брюк, спортивный пиджак. Острый глаз Фунтикова сразу отметил, что этот пиджак чуть топорщился над задним карманом брюк, в котором явно находился бумажник. Объект был найден.

Фунтиков приготовил свой «инструмент» – серебряный двугривенный, отточенный, как лезвие бритвы, и зажал его между большим и средним пальцами, готовясь к операции.

Весь охваченный веселым предчувствием удачи, которое почти никогда не обманывало его, Фунтиков следовал, как тень, за спиной этого высокого иностранца с моноклем, делая, однако, вид, что не обращает на него ни малейшего внимания.

За четверть часа до отхода поезда на перроне появился сухопарый рыжеватый человек в темных очках, за которым шел носильщик с двумя ярко-желтыми чемоданами. Он подошел к международному вагону и поздоровался с поджидавшим его иностранцем с моноклем. Носильщик по его указанию внес чемоданы в купе и, получив за услуги, удалился, а оба иностранца, стоя у вагона, стали разговаривать между собой.

Как раз в это время к тому же вагону мчалась по перрону толстая, потная от волнения и боязни опоздать дама с уймай картонок и баулов в руках, а за нею едва поспевал какой-то щуплый человек, тоже нагруженный всевозможными свертками и пакетами.

– Коля, да скорее же, экий тюлень! – кричала дама на всю платформу, энергично расталкивая стоявших на перроне людей и задевая их своими вещами. – Опоздаем, вот увидишь, опоздаем!..

– Не волнуйся, Валюша, еще есть время, – бормотал, тяжело дыша, ее провожатый, – до отхода еще несколько минут...

Взглянув на эту даму и молниеносно сообразив, что она – суший клад, Фунтиков, так сказать, поплыл в ее фарватере и не ошибся: дама, поравнявшись с двумя иностранцами, бесцеремонно их растолкала, задев при этом того, кто был с моноклем, своими картонками и оттеснив его в сторону.

Именно в это мгновение Фунтиков, сделав вид, что он прижат энергичной дамой, вплотную прильнул к иностранцу и молниеносным, почти воздушным движением правой руки, чуть оттянув левой рукой ткань его брюк, вырезал задний карман, после чего как бы растворился в толпе пассажиров, уже начавших прощаться со своими провожающими. Через несколько секунд Фунтиков «смылся» с перрона.

Не торопясь, все с тем же независимым видом человека, только что проводившего своих близких, Фунтиков вышел на вокзальную площадь, ощущая в своем правом кармане приятную тяжесть увесистого бумажника, который он только что «увел».

День показался ему еще прекраснее, а бумажник, судя по его объему и тяжести, сулил превосходные перспективы.

Фунтиков закурил и, выбравшись на улицу Горького, направился в кафетерий «Форель», где сразу увидел Люсю, стоявшую за стойкой в белом кружевном фартучке и кокетливой наколке.

– Труженикам прилавка пламенный! – произнес Фунтиков, здороваясь с Люсей. – Пое-рошу пару раков и скумбрию горячего копчения...

– Здравствуйте, Жора, – пропела Люся, старательно выбирая своему поклоннику самых крупных раков и жирную золотистую скумбрию. – Вот самые свежие...

И она протянула Фунтикову тарелку.

– Благодарствуйте, Люсенька, – солидно произнес Фунтиков и направился с тарелкой в самый темный угол кафетерия, где в тот час никого не было.

Здесь, поставив тарелку на высокий столик, Фунтиков вынул из кармана только что украденный бумажник и, по своему обыкновению, внимательно его осмотрел снаружи, не заглядывая пока в его отделения.

Это был превосходный, совсем еще новый бумажник из крокодиловой кожи, на «молниях», с многочисленными карманчиками и отделениями, которые были туго набиты. В самом крупном кармане бумажника, под застегнутой молнией, что-то очень упруго и вместе с тем податливо круглилось.

Фунтиков не торопился выяснить содержимое бумажника. Больше всего он ценил именно эти минуты томительной, но вместе с тем такой приятной неизвестности: что же принесла ему очередная удача, и удача ли это вообще?

Положив бумажник на мраморный столик, Фунтиков стал неторопливо есть, с аппетитом поглощая нежную, таявшую во рту скумбрию, а за нею горячих раков. Поблескивавший кожей и серебряной монограммой бумажник был как бы гарниром к этому завтраку.

Наконец, покончив с едой, Фунтиков взялся за бумажник. В нем оказалось двести с чем-то рублей, несколько зеленых американских долларов и немецкие марки. «Улов» был не так уж богат. В другом отделении были обнаружены какие-то записки на иностранном языке, визитная карточка с надписью на обороте и наконец, фотопленка в целлофановом конверте, уже проявленная.

Фунтиков вынул пленку и просмотрел ее на свет. На ней было тридцать шесть четких, ясно видимых фотоснимков каких-то чертежей и конструкций. На трех из них зоркие глаза Фунтикова разглядели надписи, сделанные очень мелкими русскими буквами.

Фунтиков с большим напряжением все же разобрал эти надписи, которые гласили:

«Сов. секретно. Чертежи орудия «А-2».

Как только Фунтиков прочел эти слова, он понял, что обворовал иностранного шпиона, врага, сумевшего каким-то путем добыть секретные военные чертежи. С бьющимся от волнения сердцем, забыв даже проститься с Люсей, он выбежал из кафетерия, держа в руках злополучный бумажник. Он еще не знал, как поступить, что делать, куда и к кому направиться, но всем своим существом ощущал необходимость что-то решить, действовать и прежде всего как-то разобраться в том, что вдруг вспыхнуло и забурлило в его душе и что теперь несло его неведь куда, неведь зачем, не спрашивая его согласия, несло, как несет внезапно нахлынувший морской вал застигнутого врасплох пловца, даже и не пытающегося сопротивляться этой могучей стихии.

Фунтиков не помнил, как он пробежал по улице Горького до Пушкинской площади, уже не замечая ни прохожих, ни всех чудес этого весеннего дня, пробежал, как будто за ним гонится кто-то неотвратимый и строгий, как судьба, от которой, как ни старайся, все равно не убежишь, не скроешься, не спрячешься.

Фунтиков не помнил, как он очутился на Пушкинском бульваре, в боковой аллее, полной свежей прохлады, молодой зелени цветущих лип и веселых криков играющих детей. Он сел на скамью и, может быть, впервые в жизни задумался над всем, чем он жил, что делал, чего по-настоящему желал и что по-настоящему любил.

Фунтиков не отдавал себе отчета в том, что это новое, удивительное состояние острой тревоги и вместе с тем предчувствия счастья, вызванное этим бумажником, явится переломным моментом в его жизни, хотя самое это происшествие было лишь последней каплей в том, что уже давно наполняло его душу и в чем он сам себе еще боялся признаться.

Он еще не понимал, что этот бумажник крокодиловой кожи с серебряной монограммой вытолкнет его окончательно и навсегда из той жизни и среды, которыми он внутренне уже давно тяготился, но порвать с которыми еще не находил в себе ни смелости, ни сил. Да, ему требовался какой-то последний, но решающий толчок извне, и именно бумажнику господина? Крашке суждено было сыграть роль такого толчка...

Итак, он обокрал шпиона, врага его Родины, да, Родины, потому что, как бы то ни было, это ведь и его Родина. И вот сейчас он, карманный вор с тремя судимостями и темным прошлым, может на деле помочь Родине, если только он действительно ее сын и если у него хватит смелости доказать это делом, пренебрегая всеми возможными неприятностями, даже тюрьмой, которой может все это для него кончиться.

Тюрьма... Она была хорошо знакома Фунтикову, и все-таки он очень боялся ее. А тюрьмы, если он пойдет, куда следует, и честно заявит о случившемся, видимо, не избежать, ибо, что ни говори, но он совершит карманную кражу, то есть уголовно-наказуемое деяние. И, кроме того, его явка с повинной не может ведь ограничиться одним последним эпизодом – «там» сразу поймут, что он профессиональный вор-рецидивист, не покончивший со своим прошлым, и что этот проклятый бумажник только последнее звено в длинной цепи совершенных им краж. Налицо 162-я статья, текст которой он давно знал наизусть и по которой уже не раз судился.

А жизнь так прекрасна и заманчива! И что может быть лучше свободы, вот этих весенних улиц, цветущих лип, теплых Люсиных губ и ее сияющего, нежного взгляда? Ведь он может, не являясь лично, послать в следственные органы этот бумажник и» таким образом выполнить свой долг перед государством, ничем при этом не рискуя лично...

Да, может, но все-таки это будет не то, потому что его помощь, вероятно, понадобится тем же органам, скажем, для опознания того же иностранца с моноклем.

До позднего вечера Фунтиков, забыв обо всех своих личных делах и планах, шатался по Москве, нигде не находя себе места и укрытия от самого себя.

Он провел в углу, который снимал у одной старушки в Останкино, мучительную, бессонную ночь и утром, приготовив маленький чемодан с бельем, папиросами, зубной щеткой и одеялом – необходимый набор для тюрьмы, пошел в прокуратуру, к народному следователю Бахметьеву, у которого как-то проходил в качестве обвиняемого по одному групповому делу. Об этом следователе Фунтиков сохранил самые теплые воспоминания.

Зайдя в будку телефона-автомата, Фунтиков позвонил следователю Бахметьеву, напомнил о себе и попросил выписать ему пропуск, так как он должен сделать заявление «по делу особой государственной важности»...

И Жора-хлястик пошел к следователю.

И хотя это была смерть Жоры-хлястика и рождение Маркела Ивановича Фунтикова, ни в одном загсе столицы не были зарегистрированы ни факт смерти, ни факт рождения нового советского человека. Потому что далеко не все, что происходит в удивительное время наше, регистрируется в ведомственных книгах, а зато подлежит регистрации в великой книге истории будущими потомками нашими, когда благодарно и пытливо они станут изучать трудные и сложные пути, которыми их отцы и деды пробивались к коммунизму, не щадя ни своих сил, ни своих лет, ни самой жизни своей, если только она требовалась во имя общей и великой цели.

Глава 4. «Операция Сириус» продолжается

Вейцель задержался в Берлине по приказанию Канариса, осведомленного о том, что до нападения на Советский Союз остались буквально считанные дни. В связи с этим надо было решить ряд неотложных вопросов и увязать всю разведывательную работу «Абвера» с гестапо и другими специальными органами, верховное руководство которыми Гитлер поручил Гиммлеру.

В цепи всех этих вопросов всплыла и проблема «операции Сириус», которая особо интересовала германскую разведку потому, что речь шла о новом советском оружии. По некоторым, хотя и отрывочным данным, германская разведка понимала, что речь идет об особой реактивной пушке, представляющей новое слово в оружейной технике.

После долгих обсуждений и консультаций с гестапо и другими разведывательными органами было принято решение возобновить «операцию Сириус» и продолжать ее и после открытия военных действий.

Это предварительное решение доложено было Гиммлеру на специальном совещании, созванном им. Пиккенброк, Канарис и Вейцель участвовали в этом совещании.

Вейцель подробно доложил рейхсфюреру СС всю историю этой злосчастной операции с самого ее начала до ужасного происшествия с господином Крашке. Гиммлер слушал очень внимательно, изредка переглядываясь со своим заместителем, начальником имперского управления безопасности, Эрнстом Кальтенбруннером, молчаливым человеком с большим шрамом на длинном лошадином лице. Судя по некоторым брошенным вскользь замечаниям Гиммлера, гестапо имело какие-то свои данные о работе Леонтьева и ее значении.

Выслушав всех по очереди, Гиммлер сказал:

– Ни для кого из присутствующих здесь не должно быть секретом, что в ближайшем будущем мы начнем войну против Советской России. В этом свете «операция Сириус» приобретает особое значение, так как речь, несомненно, идет о новом советском оружии, сила которого нам даже приблизительно неизвестна. Вчера я беседовал на эту тему с фюрером. Он считает, что мы должны при любых условиях и любыми способами выяснить, что это за оружие, и овладеть секретом Леонтьева. Поэтому я вынужден бросить на выполнение этого задания свою лучшую агентуру за счет других операций. Что вы думаете об этом, Кальтенбруннер?

– «Дама трэф», – коротко бросил Кальтенбруннер.

– Да, пожалуй, «дама трэф», – протянул Гиммлер. – Правда, мы оголим Ленинград, где она работает, но «операция Сириус» нам сейчас важнее. А в Ленинграде ее заменим кем-нибудь другим.

Канарис, Пиккенброк и Вейцель молчали, понятия не имея об этой «даме трэф», хотя они и догадывались, что речь идет о весьма крупном агенте гестапо. Понимали они также, что «операция Сириус» теперь переходит от «Абвера» в гестапо.

После принятия решения по «операции Сириус» перешли к общим вопросам.

Речь шла об укреплении контакта между всеми органами, занимающимися разведкой, организацией диверсионных актов, проведением дезинформации и т. п.

«Вариант Барбаросса», кроме того, выдвигал дополнительные задачи: организацию массового уничтожения мирного населения в намеченных к оккупации районах.

Гиммлер огласил секретную «Инструкцию», изданную в марте 1941 года, в которой было, в частности, указано:

«На театре военных действий рейхсфюрер СС получает, по поручению фюрера, специальные задачи по подготовке политического управления, которые вытекают из окончатель-

ной и решительной борьбы двух противоположных политических систем. В рамках этих задач рейхсфюрер СС действует самостоятельно, на свою ответственность».

В планы Гитлера входило, помимо прочего, физическое уничтожение не менее тридцати миллионов славян, поголовное уничтожение евреев и цыган, а также уничтожение всех антифашистских элементов.

Это и требовало особой и весьма сложной подготовки – специальных лагерей массового уничтожения людей с особыми крематориями, газовыми камерами, камерами пыток и т. д., а также «передвижных фабрик смерти», то есть особой конструкции газовых автомобилей – «душегубок», и прочего.

Целая специальная промышленность работала на рейхсфюрера СС Гимmlера, производя и создавая новые виды орудий массового уничтожения – различные виды газов, применяемых в лагерях смерти, конструкции особых печей для массового сжигания трупов, специальные машины для перемалывания человеческих костей казненных, которые было намечено использовать для удобрения, способы обработки человеческой кожи и промышленного использования волос (волосы миллионов казненных женщин передавались военно-морскому ведомству для плетения специальных канатов, а также мебельной промышленности для набивания матрацев).

Огромный аппарат «специалистов» разрабатывал и размножал специальные инструкции, как надо арестовывать, пытаться, умерщвлять, как вырывать у жертв золотые коронки и зубы, как остригать женские волосы и как их потом упаковывать и хранить, как обдирать кожу с казненных и как ее обрабатывать, как, наконец, варить мыло из тел казненных. (Этим занимался специальный институт в Данциге.)

Так была создана в «третьей империи» специальная промышленность и специальная «наука» по подготовке и проведению убийств миллионов людей.

Через полтора месяца после этого совещания у Гимmlера и вскоре после начала войны против СССР Гитлер созвал специальное совещание с участием Геринга, Бормана, Кейтеля, Розенберга и Ламмерса. На этом совещании фюрер выступил с большой речью, которая была записана.

Гитлер начал с необходимости всячески скрывать подлинные цели нападения на Советский Союз.

– Итак, – сказал он, – мы снова будем подчеркивать, что мы были вынуждены занять район, навести в нем порядок и установить безопасность... Отсюда и происходит наше регулирование. Таким образом, не должно быть распознано, что дело касается окончательного регулирования. Тем не менее, вопреки этому и несмотря на это, мы все же будем применять все необходимые меры – расстрелы, выселения и т. п.

Перейдя к целям этой войны, Гитлер, никак не предполагавший, что эта секретная речь станет достоянием гласности, заявил:

– В основном дело сводится к тому, чтобы, во-первых, овладеть им (Советским Союзом), во-вторых, управлять и, в-третьих, эксплуатировать...

Самое основное – создание военной державы западнее Урала не может снова стать на повестку дня, хотя бы нам для этого пришлось воевать сто лет. Все последователи фюрера должны знать: империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет существовать чуждого войска. Железным законом должно быть: никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-либо иной, кроме немцев... Только немец вправе носить оружие, а не славянин, не чех, не казах и не украинец...

Гитлер поделился и своими территориальными планами:

– Вся Прибалтика должна стать областью империи. Точно так же должен стать областью империи Крым с прилегающими районами... Эти прилегающие районы должны быть как

можно больше... и волжские колонии должны стать областью империи, точно так же, как и Бакинская область. Она должна стать немецкой концессией (военной колонией). Финны хотели получить Восточную Карелию. Однако ввиду большой добычи никеля Кольский полуостров должен отойти к Германии... На Ленинградскую область претендуют финны. Сравнять Ленинград с землей с тем, чтобы затем отдать его финнам! – исторически закончил Гитлер³.

Таковы были подлинные цели войны, задуманной гитлеровской Германией против СССР.

³ Приведен подлинный текст речи Гитлера, оглашенный на Нюрнбергском процессе.

Глава 5. «Дама трэф»

«Дама трэф», которую на совещании у Гимmlера было решено привлечь к дальнейшей работе по «операции Сириус», была старейшим агентом германской разведки и проживала в Ленинграде, где она и родилась и провела почти всю свою жизнь. Матильда Казимировна Стрижевская – такова ее подлинная фамилия – была немкой по матери и полькой по отцу, служившему еще до революции в одной галантерейной фирме в качестве коммивояжера.

Мать Матильды Казимировны была когда-то кафешантанной «звездой» и подвизалась на подмостках знаменитого в свое время в Петербурге загородного шантана «Вилла Роде» в качестве исполнительницы «тирольских песенок». Она была очень красива и пользовалась успехом у публики, посещавшей этот роскошный шантан. Супруг ее – Казимир Антонович Стрижевский, элегантный шатен с модными усиками, – почти все время проводил в разъездах по разным городам и, кроме того, имел неоценимое для мужа «звезды» качество – он абсолютно не был ревнив. В глубине души он гордился своей женой, имевшей столь шумный успех и немалые заработки, освобождавшие его от необходимости тратить на ее туалеты. Когда же «Виллу Роде» посетил как-то один из великих князей, обративший внимание на исполнительницу «тирольских песенок» и начавший за нею ухаживать, Казимир Антонович пришел к окончательному выводу, что женился необыкновенно удачно. Кроме того, его радовали хозяйственные способности «звезды», которая очень экономно, с чисто немецкой педантичностью вела дом, воспитывала их дочь и постепенно округляла свой текущий счет в Коммерческом банке, где к началу войны даже абонировала свой личный сейф для хранения драгоценностей. К этому времени Матильда успешно окончила Аннен-школе, куда была определена по желанию родителей, и твердо решила пойти по стопам своей матери.

Несмотря на то, что на семейном совете, экстренно созванном ее матерью, мечтавшей выдать красавицу дочь за богатого помещика или коммерсанта, ее желание было отклонено и родители горячо убеждали дочь заняться подысканием выгодной «партии», Матильда решила поставить на своем. Вот уже, два года, как ей мерещились по ночам подмостки, большой, залитый светом зал, нарядная публика, бурные аплодисменты, аршинные афиши с ее портретами в вызывающих кокетливых позах. Она несколько раз смотрела программу, в которой выступала ее мать, и про себя решила, что та несколько тяжеловата, а ее тирольский костюм и сентиментальные песенки явно устарели. Матильда была девушкой с характером, и отговорить ее от уже принятого решения было трудно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.